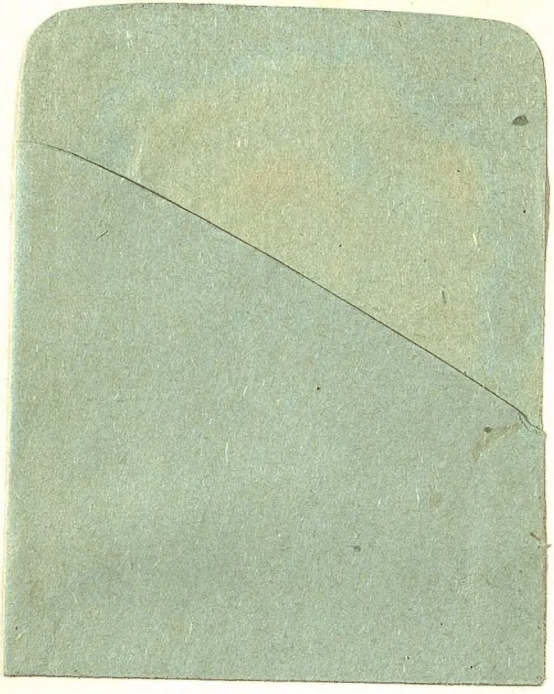
PA
28
П15

14869.



~~1 3/34~~

~~107 1/69~~

Б.А.В.М.

14869.

В. 1868.

А. Трачевскаго
Р 134

ПАМЯТНИКИ

ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

1775

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
=
1855.

РА
28
П15

891:3985
П15

ПАМЯТНИКИ

ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

Особые оттиски изъ Прибавленій къ Извѣстіямъ II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1852, 1853 и 1854 гг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

1775
2 экз

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Февраля 1855 года.

За Непремѣн. Секретаря Академикъ *В. Буняковскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Былины про богатырей Владимира:

1. Про Добрыню Никитича и жену его . . . . . 59.
2. Про Василія Казнировича и Добрыню . . . . . 36.
3. Про Василія Казнировича . . . . . 20.
4. Про Илью Муромца и Соловейка разбойника . 34.
5. Про Илью Муромца и царя Калину . . . . . 126.
6. Про Илью Муромца и Тугарина Бѣлевича . . . 105.
7. Про Илью Муромца и Бориска Збута . . . . . 69.
8. Про Илью Муромца и Алешу Поповича . . . . 145.
9. Про Илью Муромца и Турокъ . . . . . 60.
10. Про Илью Муромца и Ермака Тимоѳеевича . . 49.
11. Про свадьбу Алеши Поповича . . . . . 17.
12. Про Алешу Поповича и сестру его . . . . . 79.
13. Про богатырей Данилу и Михаилу . . . . . 114.
14. Про Чурилу Пленковича . . . . . 107.
15. Про молодца Чурилу . . . . . 41.
16. Про Василису Даниловну . . . . . 8.
17. Про Дуная Ивановича . . . . . 134.
18. Про Дуная Ивановича и жену его . . . . . 76.

II. Былины и пѣсни о событіяхъ XVI и XVII вѣка:

1. Монастырь (1525) . . . . . 42.
2. Про Кастрюка Мастрюка . . . . . 81.
3. Про Мамстрюка . . . . . 149.

Стран.

4. Пѣсня казацкая . . . . . 146.
5. О взятіи Казани . . . . . 147.
6. О правежѣ . . . . . 131.
7. Сорочинычки . . . . . 23.
8. О кончинѣ Іоанна . . . . . 150.
9. О Гришкѣ Отрепьевѣ . . . . . 4 — 6.
10. О Гришкѣ Отрепьевѣ . . . . . 43.
11. О приходѣ Крымскаго хана . . . . . 7.
12. Возвратъ князя Михаила . . . . . 4.
13. Возвратъ митрополита Филарета въ Москву . . 3.

III. Пѣсни о Петрѣ Великомъ:

1. Возвратъ Петра Алексѣевича . . . . . 45.
2. Взятіе Риги . . . . . 150.
3. Походъ на Азовъ . . . . . 47.
4. Походъ подъ Полтаву . . . . . 46.
5. Про Бориса Петровича Шереметева . . . . . 46.
6. Правежъ . . . . . 25.
7. Кончина Петра Великаго . . . . . 27.
8. Еще пѣсни о кончинѣ Петра Великаго . . . . . 150.

IV. Старинныя пѣсни неизвѣстнаго времени, и пр.

1. Про Змѣя Горынича . . . . . 124.
2. Про морянина . . . . . 89, 92.
3. Пѣсня XVII вѣка о великой службѣ . . . . . 6.
4. Пѣсни изъ Локтевскаго завода . . . . . 83, 112.
5. Пѣсни Закамскія хороводныя . . . . . 84.
6. Пѣсня надгробная Ситкарей . . . . . 29.
7. Пѣсня изъ Черни . . . . . 67.
8. Образцы Вытегорскаго говора . . . . . 94.

ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

I.

ПѢСНИ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БАККАЛАВРА РИЧАРДА ДЖЕМСА,

1619 — 1620 г.

Эти пѣсни, печатаемыя здѣсь со списка г. Академика І. Х. Гамеля, сравнительно со спискомъ, сдѣланнымъ другимъ Русскимъ путешественникомъ, доставлены во II-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ при слѣдующемъ письмѣ къ г. Предсѣдательствующему:

М. Г.

Иванъ Ивановичъ.

Во время предпослѣдняго пребыванія моего въ Англіи открылъ я собственноручныя записки натуралиста Традесканта, веденныя имъ во время поѣздки его въ 1618 году къ намъ въ Россію и именно въ Архангельскѣ, о чемъ подробное свѣдѣніе напечатано мною въ Академическомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: Tradeskant der ältere 1618 in Russland.

Изъ открытой мною рукописи узналъ я также, что вмѣстѣ съ Традескантомъ пріѣзжалъ въ Россію въ качествѣ священника при Посольствѣ, Оксфордскій баккалавръ Ричардъ Джемсъ.

Посольство, въ сопровожденіи дворянина Ѳедора Владимировича Уварова, прибыло въ Москву 19 Января 1619 года и выѣхало 20 Августа къ Архангельску, дабы отправиться обратно въ Англію.

Корабль, на которомъ Джемсъ поѣхалъ было въ Лондонъ, не далеко отъ устья Двины потерпѣлъ крушеніе, и

какъ по позднему времени года уже другаго Англійскаго судна въ портѣ не оставалось, онъ принужденъ былъ провести зиму въ Холмогорахъ.

Трудолюбивый Оксфордецъ воспользовался симъ случаемъ непроизвольнаго задержанія его въ Россіи, чтобъ ознакомиться съ нашимъ языкомъ, какъ то я усмотрѣлъ изъ найденныхъ мною въ Англіи его бумагъ.

На особомъ листкѣ я представляю Вашему Превосходительству нѣсколько статей, извлеченныхъ изъ его записокъ.

Весною 1620 года Джемсъ поѣхалъ въ Англію. Изъ описи принадлежавшихъ ему книгъ и рукописей, составленной вскорѣ послѣ его смерти, усмотрѣлъ я, что имъ сочинено было описаніе его путешествія въ Россію на пяти листахъ (An account of his travels in Russia, 8, on five sheets).

Долго и усердно искалъ я сію рукопись въ книгохранилищѣ, въ которое поступили прочія многочисленныя его сочиненія, но тщетно: она потеряна. О семъ жалѣть должно тѣмъ болѣе, что въ упомянутомъ сочиненіи Джемса безъ всякаго сомнѣнія находится описаніе торжественнаго въѣзда Патріатра Филарета въ Москву, котораго онъ былъ очевидцемъ.

Переискивая всѣ бумаги Джемса, нашелъ я книжечку, въ которую ему въ Россіи (вѣроятно въ Москвѣ въ 1619 году) вписали Русскіе стихи, относящіеся: 1) ко въѣзду Патріарха въ Москву, 2) къ послѣдовавшей тамъ въ 1610 году скоропостижной смерти Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; 3 и 4) къ участи Царевны Ксеніи Борисовны Годуновой; 5) къ весновой (вешней) службѣ и 6) къ набѣгу Татаръ.

По возвращеніи моемъ изъ предпослѣдняго путешествія, удостовѣрился я въ томъ, что сіи стихи у насъ вовсе неизвѣстны, а посему я въ нынѣшнюю бытность мою въ Англіи вмѣнилъ себѣ въ обязанность съѣздить нарочно въ Оксфордъ, чтобъ списать оные вполнѣ.

Какъ сіи стихи, вывезенные изъ Россіи въ 1620 году, навѣрно, остались въ совершенно неизмѣнномъ видѣ, то я полагаю, что Отдѣленію Русскаго языка и Словесности пріятно будетъ видѣть оные, а посему имѣю честь представить списки ихъ, покорнѣйше Васъ прося, сообщить оные Отдѣленію. Примите увѣреніе, и пр.

I. Гамель.

При письмѣ своемъ достопочтенный Академикъ доставилъ слѣдующую выписку изъ записокъ баккалавра Джемса:

Jitwonka: litte burdes (birds) much of the bignesse of a larke and they have such a longe clawe in the backes and bellies of the same colour, but on the side of the head they have as it weare two short hornes of blacke feathers and a blacke spot in the throute, blackish leged and belde and in the head and neck they are interlaced and spotted yellowe: and in taste allso they are larkes. Exceedingly fat. Edimus (1618) 4 die Octobr. emptas 18 pro 4 copecis apud Kolmograd et 6 (Oct). pro tribus d-m (datum) 12. [1])

Piega: the pied week (from two colors) they eat one day flesh, the other butter and cheese and white meals. [2])

Kissé: the stuff of which the Turks make turbants and with a vaille of which the Dukes goe through Musky in their teleges. [3])

Kenzal: a persian knife with one of which the Customer of Archangell would boaste that he kild the Emperor Demetrius. [4])

Xorchist: a peece which indures a great charge, or a great dealer, or a verie riche man. [5])

1.

Зрадовалося Царство Московское и вся земля Святорусская; умолилъ Государь православной Царь Князь Великіи Михаило Ѳедоровичь. А что скажутъ, въѣхалъ батюшка Государь Ѳиларетъ Микитичь, изъ невѣрной земли изъ Литовской. Съ собою онъ вывезъ много князей, бояръ; еще онъ вывезъ Государева боярина князя Михаила Борисовича Шеина. Съежалися многии князя, бояря и многие власти ко силнему Царству Московскому. Хотятъ встрѣчать Ѳиларета Микитича. Изъ славнаго града каменной Москвы не красное солнце

---

[1]) Изъ сего описанія видно, что это Alauda montana s. nivalis. *Житвонка* явно происходитъ отъ слова: жито. Г. — Это *овсянка*. Д.

[2]) *Пьга*, т. е. пѣгая недѣля. Г.

[3]) *Кисея*. Г.

[4]) *Кинжалъ*. Г.

[5]) *Харчистъ*. Г.

катилося; пошелъ Государь православной Царь встрѣчати своего батюшка, Государя Ѳиларѣта Микитича. Съ Государемъ пошелъ его дядушка Иванъ Микитичь бояринъ. — Дай Споди, здоровъ былъ Государь мой батюшко, а батюшко Государь Филарѣтъ Никитичь. — А какъ будутъ онѣ въ каменной Москвѣ, не пошли онѣ въ хоромы въ Царьские, а пошли онѣ къ Пречистой Соборной, а пѣти чесныхъ молебеновъ. Благословлялъ Своего чада милаго: И дай Господи, здоровъ былъ православной Царь Князь Великіи Михаилъ Федоровичь, а ему здержати Царство Московское и вся земля Святоруская.

2.

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А росплачютца гости Москвичи:
А тепере наши головы загибли,
что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съежалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстисловской князь, Воротынской,
и межу собою онѣ слово говорили;
а говорили слово, усмѣхнулися.
Высоко соколъ поднялся
и о сыру матеру землю ушибся.
А росплачютца Свѣцкие Немцы,
что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побѣжали Немцы въ Новъ городъ,
и въ Нове городе заперлися,
и многой миръ народъ погубили,
и въ Латынскую землю превратили.

3.

Сплачетца мала птичка
бѣлая пелепелка:

Охте мнѣ молоды горѣвати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
мое гнѣздышко разорити,
мои малыи дѣти побити,
меня пелепелку поимати.
Сплачетца на Москвѣ Царевна:
Охте мнѣ молоды горѣвати,
что едетъ къ Москвѣ измѣнникъ
ино Гриша Отрепьевъ ростригa,
что хочетъ меня полонити,
а полонивъ меня, хочетъ постритчи,
чернеческой чинъ наложити.
Ибо мнѣ постритчися не хочетъ,
чернеческого чину не здержати;
отворити будетъ темна келья,
на добрыхъ молотцовъ посмотрити.
Ино, охъ милыи наши переходы,
а кому будетъ по васъ да ходити.
послѣ царского нашего житья
и послѣ Бориса Годунова?
Ахъ милыи наши теремы,
а кому будетъ въ васъ да сѣдети,
послѣ царьского нашего житья
и послѣ Бориса Годунова?

4.

А сплачетца на Москвѣ Царевна
Борисова дочь Годунова:
Ино Боже Спасъ милосердой,
за что наше царьство загибло?
за батюшково *) ли согрѣшенье,
за матюшкино ли немоленье?
А свѣты вы наши высокіе хоромы,

*) *По другому списку*: за батюшкино.

кому вами будетъ владѣти
послѣ нашего царьского житья?
А свѣты браныи убрусы,
береза ли вами крутити?
А свѣты золоты ширинки,
лѣсы ли вами дарити?
А свѣты яхонты серешки,
на сучье ли васъ задѣвати,
послѣ царьского нашего житья,
послѣ батюшкова преставленья
а свѣта Бориса Годунова?

А что едетъ къ Москвѣ рострига,
да хочетъ теремы ломати,
меня хочетъ Царевну поимати,
а на Устюжну на желѣзную отослати,
меня хочетъ Царевну постритчи,
а въ рѣшетчатой садъ засадити.
Ино охте мнѣ горѣвати,
какъ мнѣ въ темну келью ступити,
у игумени благословитца.

5.

Бережечикъ зыблетца,
да песочикъ сыплетца,
ледочикъ ломитца,
добры кони тонутъ,
молотцы томятца.
Ино Боже, Боже,
сотворилъ ты, Боже,
да и небо землю,
сотвори же, Боже,
весновую службу.
Не давай ты, Боже,

зимовые службы:
зимовая служба —
молотцамъ кручинно
да сердцу надсадно.
Ино дай же, Боже,
весновую службу:
весновая служба —
молотцамъ веселье,
сердцу утѣха.
И емлите, ´братцы,
яровы веселца;
а садимся, братцы,
въ ветляны стружечки.
Да грѣнемъте, братцы,
въ яровы веселца,
ино внизъ по Волги.
Сотворилъ намъ, Боже.
весновую службу.

6.

А не силная туча затучилася; а не силніи громы грянули: куде едетъ собака Крымской царь? — А ко силнему Царству Московскому. — А нынѣчи *) мы поедемъ къ каменной Москвѣ, а назадъ мы поидемъ, Рѣзань возмемъ. — А какъ будутъ онѣ (у) Оки рѣки, а тутъ онѣ станутъ белы шатры ростaвливать. — А думайте вы думу съ цѣла ума: кому у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ, а кому у насъ въ Володимере, а кому у насъ сидеть въ Суздале, а кому у насъ держать Рѣзань старая, а кому у насъ въ Звенигороде, а кому у наеъ сидеть въ Нове городе. — Выходитъ Диви Мурзы сынъ Улановичь **): А еси государь нашь Крымской царь! А тобе, государь, у насъ сидеть въ каменной Москвѣ, а сыну твоему въ Володимере, а

*) *По другому списку*: н'нъчн.
**) *По другому списку*: Улановы.

племеннику *) твоему въ Суздале, а сродичу въ Звѣнигороде, а боярину конюшему держать Рѣзань старая, а меня, государь, пожалуй Новымъ городомъ, у меня лежатъ тамъ свѣтъ добры дни батюшко Диви Мурза сынъ Улановичь. — Прокличетъ съ небесъ Господень гласъ: Ино еси собака, Крымской царь. То ли тобѣ Царство не свѣдомо? А еще есть на Москвѣ семьдесять Апостоловъ, опришенно трехъ Святителей; еще есть на Москвѣ православной Царь. — Побѣжалъ еси, собака Крымской царь, не путемъ еси не дорогою, не по знамени не по черному.

*) *По другому списку*: племнику.

Изъ 1-го выпуска 1-го тома Прибавленій къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

II.

ПѢСНИ

ЗАПИСАННЫЯ СВЯЩЕННИКОМЪ К. ФАВОРСКИМЪ

ВЪ СЕЛѢ ПАВЛОВѢ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ. *)

1.

Былина про Василису Даниловую.

У князя было у Володимíра,
у Кѣевскаго солнышка Сеславича
было пированьицо почесное, —
чесно и хвально, больно радышно
на многи князья и бóяря,
на сильныхъ могучихъ богáтырей.
Въ пóлсыта бояря наѣдалиса,
въ пóпьяна бояря напивалиса;
промежъ сея бояря похвалялиса:
сильнъ-атъ хвалитса силою,
богатой хвалитса богатествомъ;

*) Сообщаемыя здѣсь пѣсни записаны вѣрно по мѣстному выговору за исключеніемъ *о* безъ ударенія, которое въ выговорѣ удерживаетъ звукъ *а*.

купцы-тѣ хвалятся товарами
товарами хвалятся заморскими;
бояря-та хвалятся помѣстьями,
онѣ хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Данила Денесьевичь.
Тутъ возго́воритъ самъ Володиміръ князь:
Охъ ты гой еси, Данилушка Денисьевичь!
ишшо што ты у меня ничемъ нехвалишса?
али нечѣмъ тѣ похвалитися?
али нѣту у тея золотой казны?
али нѣту у тея молодой жоны?
али нѣту у тея платья свѣтново?
Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичь:
Ужь ты батюшка нашъ Володиміръ князь!
есь у меня золота казна,
ишшо есь у меня и молода жона,
ишшо есь у меня и платье свѣтное;
нешта такъ я это призадумалса.
Тутъ пошолъ Данила съ широка двора.
Тутъ возговоритъ самъ Володиміръ князь:
Охъ вы гой естя, мои князья бо́яря!
ужъ вы всѣ у меня переженены,
только я одинъ холо́стъ хожу;
вы ишши́те мнѣ невѣстушку хорошую,
вы хорошую и пригожую,
што бъ лицомъ красна и умомъ свёрстна,
што бъ умѣла Рускую грамату
и четью-пѣтью церковному,
што бы было ково назвать вамъ матушкой,
ввеличать бы государыней.

Изъ за лѣвой было изъ за сторонушки
тутъ возго́воритъ Мишатычька Путятинъ сынъ:
Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
много я ѣжжалъ по инымъ землямъ,
много видалъ я королевишонъ,
много видалъ и изъ ума пыталъ:
котора лицомъ красна — умомъ не сверстна,
котора умомъ сверстна — лицомъ не красна.
Не нахаживалъ я такой красавицы,
не видывалъ я эдакой пригожицы,
(какъ) у тово ли у Данилы у Денисьича,
ишшо та ли Василиса Никулишна:
и лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
и Рускую умѣетъ больно грамоту,
и четью-пѣтью горазда церковному;
ишшо было бы кого назвать намъ матушкой,
ввеличать намъ государыней!
Это слово больно князю не показалося,
Володиміру словечко не полюбилося.
Тутъ возго́воритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
Ишшо гдѣ это видано, гдѣ слыхано
отъ живово мужа жону отнять!
Приказалъ Мишатычьку ка́знить — вѣшати.
А Мишатычька Путятинъ примѣтливъ былъ,
на иную на сторонку перекинулся:
Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
погоди меня скоро́ ка́знить — вѣшати,
прикажи государь, слово мо́лыти.
Приказалъ ему Володиміръ слово мо́лыти:
Мы Данилушку пошлёмъ во чисто́ поле,

во тѣ ли луга Леванидовы,
мы ко ключику пошлёмъ ко гремячему,
велимъ пымать птичьку бѣлогорлицу,
принести её къ обѣду княженецкому;
што ишшо убить ему льва лютово,
принести его къ обѣду княженецкому.
Это слово князю больно показалося,
Володиміру словечько полюбилося.
Тутъ возговоритъ старой казакъ,
старой казакъ Илья Муромецъ:
Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
изведёшь ты ясново сокола!
не пымать теѣ бѣлой лебеди.
Это слово князю не показалося,
посадилъ Илью Муромца во погребъ.
Садился самъ во золотъ стулъ,
онъ писалъ ярлыки скорописные,
посылалъ ихъ съ Мишатычькой въ Черниговъ градъ.
Тутъ поѣхалъ Мишатычка въ Черниговъ градъ
прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.
На дворъ-атъ въѣзжаетъ безопасьшно,
во полатушку входитъ безобсылышно.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецкой сынъ!
для чего ты, невѣжа, эдакъ дѣлаешь:
ты на дворъ-атъ въѣзжаешь безобасьшно,
въ полатушку входишь безобсылышно?
Отвѣтъ держитъ Мишатычька Путятинъ сынъ:
Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
не своей я волей къ вамъ въ гости зашолъ,

прислалъ меня самъ батюшка Володимѣръ князь
со тѣми ярлыками скорописными.
Положилъ ярлычьки, самъ вонъ пошолъ.
Стала Василиса ярлыки пересматривать,
заливалася она горючьмѝ слезмѝ.
Скидовала съ сея платье свѣтное,
надѣваетъ на сея платье молодецкое,
сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле
искать мила дружка свово Данилушка.
Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича;
возговоритъ ему таково слово:
Ты надежинька, надежа, мой сердешной другъ.
да ужь мо́лодой Данила Денисьевичь!
што останное намъ съ тобой свиданьицо!
поѣдемъ-ка съ тобою къ широку̀ двору.
Тутъ возго́воритъ Данила Денисьевичь:
Охъ ты гой еси, Василисушка Никулишна!
погуляемъ-ка въ остатки по чисту полю,
побьемъ съ тобой гуськовъ да лебёдушокъ!
Погулямши поѣхали къ широку двору.
Возго́воритъ Данила свѣтъ Денисьевичь:
Внеси-ка мнѣ мало́й колчанъ калёныхъ стрѣлъ!
Несетъ она большой колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
Возго́воритъ Данилушка Денисьевичь:
Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь!
чево ради ты, невѣжа, ослушаешса.
Аль не чаешь надъ собою бо́льшово?
Василисушка на это не прогнѣвалась,
и возго́воритъ ему таково слово:
Ты надежинька, мой сердешной другъ,

да ужь мóлодой Данилушка Денисьевичь!
лишняя стрѣлычька теѣ пригóдитса;
пойдетъ она ни по князѣ ни по баринѣ,
а по свымъ братѣ богáтырѣ.
Поѣхалъ Данила во чисто поле,
што во тѣ луга Леванидовы,
што ко ключику ко гремячему,
и къ колодезю пріѣхалъ ко студёному.
Беретъ Данила трубыньку подзорную,
глядитъ ко городу ко Кѣеву.
Не бѣлы̀ снѣги забѣлѣлися,
не чёрныя грязи зачернѣлися:
забѣлѣласа, зачернѣласа сила Руская
на тово-ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьмѝ слезмѝ,
возгóворитъ онъ таково слово:
Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ;
знать Володимíру не слуга я былъ!
Беретъ Данила саблю боёвую,
прирубилъ Денисьичь силу Рускую.
Погодя тово времечько манёшинько
берётъ Данила трубычьку подзорную,
глядитъ ко городу ко Кѣеву.
Не два слона въ чисты́мъ полѣ слонятса,
не два сыры̀ дуба шатаютса,
слонятса, шатаютса два богáтыря
на тово-ли на Данилу на Денисьича:
ево родной братъ Никита Денисьевичь
и названной братъ Добрыня Никитовичь.
Тутъ заплакалъ Данила горючьмѝ слезмѝ:

Ужь и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвалса,
Володиміръ князь на удалово осе́рдилса.
Тутъ возговоритъ Данила Денисьевичь:
Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
братъ на брата со боёмъ идётъ.
Берётъ Данила сво востро̀ копьё,
тупымъ концомъ втыкатъ во сыру̀ землю,
а на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ сеѣ Данила груди бѣлыя,
покрылъ сеѣ Денисьичь очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему два бога́тыря,
заплакали объ нёмъ горючьмѝ слезмѝ.
Поплакамши, назадъ воротилиса;
сказали князю Володиміру: Не стало Данилы
што тово ли уда́лово Денисьича!
Тутъ сбираетъ Володиміръ поѣздъ-атъ.
Садилса въ колёсычьку во зо́лоту;
поѣхали ко городу Чернигову.
Пріѣхали ко двору ко Данилину;
восходятъ во те́ремъ Василисинъ-атъ.
Цѣловалъ ее Володиміръ во саха́рныя уста.
Возго́воритъ Василиса Никулишна:
Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
не цѣлуй меня въ уста во кро́вавы
безъ мово друга Данилы Денисьича.
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
наряжайся ты въ платье свѣтное,
въ платье свѣтное подвѣнешное.
Наряжалась она въ платье свѣтное,

взяла съ собой булатной ножь.
Поѣхали ко городу ко Кѣеву.
Повернулися супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ
со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.
Посылалъ онъ съ ней двухъ богатырей.
Подходила Василиса ко милу̀ дружку,
поклонилась она Данилѣ Денисьичу.
Поклонилась она, да восклонилася.
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
Охъ вы гой естя, мое вы два богатыря!
вы подите, скажите князю Володиміру:
штобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
по чисту полю со милымъ дружкомъ,
со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.
Беретъ Василиса свой булатной ножь,
спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
покрыла сеѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богатыря.
Пошли онѣ ко князю Володиміру:
Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
не стало нашой матушки Василисы Никулишны!
передъ смертью она намъ промолыла:
Охъ вы гой естя, мое вы два богатыря!
вы подите, скажите князю Володиміру,
што бы не далъ намъ валяться по чисту̀ полю,
по чисту̀ полю со милымъ дружкомъ,
со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.

Пріѣхалъ Володиміръ во Кѣевъ градъ.
Выпушшалъ Илью Муромца изъ погреба;
цѣловалъ ёво въ головку, во темичько:
Правду сказалъ ты, старóй казакъ,
старой казакъ Илья Муромецъ!
жаловалъ ёво шубой соболиною;
а Мишаткѣ пожаловалъ смолы котёлъ.

2.

Былина про свадьбу Олеши Поповича.

Сѣдлатъ Добрыня добра коня нерадьшенъ
въ хорошо сидѣличько Черкавское;
подпруживатъ двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ,
не ради красы, ради крѣпости,
ради нужново дѣла богатырсково.
Увидала Добрыню молода жона,
молода жона, Агрофена Григорьевна:
Што сѣдлашь ты добра коня нерадьшенъ
въ хорошо сидѣличько Черкавское;
ты подпруживашь двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ?
ты далеко ль, другъ, ѣдешь; скорó ль будешь?
Тутъ возговоритъ Добрыня Никитичь:
Охъ ты гой еси, Агрофена Григорьевна!
я далико больно ѣду, и не скоро буду,
Ѣду я на годы на урочьные, на двѣнадцать лѣтъ;
побить мнѣ силушки двѣнадцать ордъ.
Увидала Добрыню родная матушка
старà вдова Офимья Лександровна:
Охъ ты гой еси, родимо моё дитятко!
што сѣдлашь добра коня нерадьшенъ

въ хорошо сидѣличько Черкавское;
подпруживашь двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ,
не ради красы, ради крѣпости,
ради нужново дѣла богатырсково?
далёко ли ѣдешь, скоро́ ль будешь?
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
Охъ ты гой еси, родима моя матушка!
далёко я ѣду, и не скоро буду.
Ѣду я на годы на урочьные, на двѣнадцать лѣтъ;
побить мнѣ силушки двѣнадцать ордъ.
Тутъ возговоритъ вдова таково слово:
Охъ ты гой еси, родимо мое дитятко!
на ково ты покидаешь молоду жону
да ужь мо́лоду — Агрофену Григорьевну?
На тя я покидаю, родима матушка,
хоша клюшницой зови её, хошь постельницой,
хошь вдовой держи, хошь за-му́жъ отдай,
хошь за князя отдай; хошь за барина,
хошь за нашево за брата, за бога́тыря;
не отдай только за мово недруга,
за тово ли за Олёшку за Поповича.
Поѣхалъ Добрыня съ широка двора,
а вдова пошла на красёнъ крылецъ;
глядитъ она во даличе, во чисто поле;
возго́воритъ вдова таково слово:
Укатается изъ глазъ красно солнышко,
уѣзжаетъ изъ виду доброй мо́лодецъ. —
Минуло Добрынѣ двѣнадцать лѣтъ.
Стали къ Агрофенѣ женихи свататься;
сватомъ-ту самъ батюшка Володиміръ князь,

а свахой-ту сама княгиня Епраксія
за тово ли за Олёшку за Поповича.
Агрофена свата да́рила ширинчькой,
другой да́рила свахыньку;
Олёшку-ту да́рила каленой стрѣлой.
Проводила вдова Агрофену съ широка двора,
сама пошла на красёнъ крылецъ.
Глядитъ она во даличе, во чисто́ поле:
не слонъ въ чисто́мъ полѣ слонится,
не сы́рой дубъ въ полѣ шатается;
сло́нится, шатается доброй молодецъ,
онъ и прямо ко двору ко вдовиному.
Не узнаётъ Добрыню родима матушка.
Говоритъ вдова токово слово:
У мово-та у Добрынюшки была примѣтычька,
што на правой ногѣ у него родинка.
Скидаетъ Добрыня зелёнъ сапогъ,
кажетъ родимой примѣточьку.
Назва́лся онъ скоморокомъ Данилой Заморнинымъ.
Пошолъ на пиръ ко князю Володиміру,
и сталъ онъ наигрышки наигрывать:
Гулялъ я молодецъ двѣнадцать лѣтъ,
побилъ я силушки двѣнадцать ордъ;
ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
отъ живово мужа жону отнять!
и теперь-та по приказу княженецкому
поднесу молодымъ чару заздравную.
Наливалъ онъ чару зелена вина,
опушшалъ именной перстень туда;
выпивалъ молодой полъ чарычьки,

а останну половину Агрофена Григорьевна.
Примѣчала она именной перстень,
а по немъ узнавала и мила дружка,
мила дружка Добрыню Никитича.
Бросимшись къ нему, слово молвила:
Государь ты мой Добрыня Никитовичь!
не давай меня Олёшкѣ немилому,
Будь мой мужъ по старому, по бывалому.

3.

Былина про Василія Казнеровича.

Подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
подступаетъ онъ съ двумя сыновьями,
и со зятемъ съ Лукопёромъ богáтыремъ.
Онъ и пишетъ, собака, похваляется:
Я и Кѣевъ-атъ городъ выжгу, вырублю,
божьи церкви съ дымóмъ пушшу,
князя со княжной во полонъ возьму,
а князей, бояръ въ котлѣ сварю.
А на ту пору богатырей-ту дома не было:
Илья Муромецъ усланъ былъ въ землю Латынскую —
закупать коней богатырскіихъ;
а Добрыня—въ землю Черкавскую
закупать сидѣличьки Черкавскія;
а Олёша Поповъ въ землю Сорочинскую —
закупать пшено Сорочинское.
Оставался одинъ Василій пьяница.
Возговоритъ Володиміръ князь:
Охъ вы гой éсте мои, князья, бояря!
позовите ко мнѣ Василья Казнѣровича.

Пошли-жа бояря во царевъ кабакъ,
увидали тутъ Васютучьку сына пьяницу,
говорятъ ему таковы грубны рѣчи:
Охъ ты гой еси, Васютычька сынъ пьяница!
што ты лежишь на печишшѣ нагъ — ни ниточьки;
ничего-та ты не знаешь и не вѣдаешь,
подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
царь Батый, онъ-жа Кайманович.
Онъ и пишетъ, собака, похваляется:
«Я и Кѣевъ-атъ городъ выжгу, вырублю,
божьи церкви со дымомъ пушшу,
князя со княиней во полонъ возьму».
а насъ князей бояръ хочетъ въ котлѣ сварить.
И слѣзаетъ онъ съ печи, запираетъ кабакъ,
запираетъ ево крѣпко на-крѣпко,
сбираетъ съ князей бояръ свѣтно платье до-нага,
беретъ липнилишу кабацкую,
онъ и бьётъ князей бояръ по крутымъ бёдрамъ,
и гонитъ ихъ до двора княженецкаго.
А Володиміръ князь глядючи на нихъ улыбаетса,
и возговоритъ онъ таковы рѣчи:
Охъ вы гой есте, мои князи бояря!
ужь вы пропились у меня, аль проигралиса?
Ужь ты, батюшка Володиміръ князь!
мы не пропились у тя, не проигралиса,
обесчестилъ насъ Васютычька сынъ пьяница.
Возговоритъ Володиміръ князь:
Ахъ вы глупые бояря, неразумные,
не утѣшили молодца, а только раззадорили.
Пошолъ самъ Володиміръ во кружало государево;

и молится Володиміръ чудному образу;
и кланятся на всѣ четыре стороны,
особливой поклонъ Василью Казнѣрычу:
Охъ ты гой еси, Василій Казнѣровичь!
ничево-та ты не знаешь и не вѣдаешь:
подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
царь Батый, онъ-жа Кайманович,
онъ и пишетъ, собака, похваляетса:
«Я и Кѣевъ-атъ городъ выжгу, вырублю,
божьи церкви со дымóмъ пушшу,
князя со княиней во полонъ возьму,
а князей бояръ въ котлѣ сварю».
Ужь ты батюшка, Володиміръ князь,
поднеси-ка мнѣ чарычьку похмѣльную,
которой чарóй пьётъ Илья Муромецъ.
А Илья пьётъ чарой въ полсёма ведра.
Вышивалъ онъ её дò-суха.
Поднеси ешшо, батюшка, чарычьку заздравную,
которой пьётъ Добрыня Никитьевичь.
Добрыня пьётъ чарой въ полпята ведра.
Вышивалъ и эту чару дò-суха.
Поднеси-жа ешшо, батюшка, чарычьку веселую,
которой пьётъ Олёша Поповичь.
Олёша пьётъ чару въ полтретья вёдра.
Вышивалъ и эту чару дò-суха.
Пошолъ Васинька супротивъ непріятеля:
сталъ стрѣлять ему во табуры,
и попалъ Лукопёру въ правой глазъ.
Ишшо пушше царь Батый разсержаетса,
и пишетъ онъ ко князю Володиміру:

Володиміръ! Либо городъ сдай, либо выдай виноватово.
Говорятъ князья бояря: Батюшка великой князь,
давай выдадимъ виноватово.
А Василій, услыхавши таково слово,
смахнулъ съ сея чудный крестъ.
Возговоритъ ему Володиміръ князь:
Знать ты, Васютка, въ правду обасурманилса.
Придалса Васютычька къ царю Батыю,
говоритъ ему таковы рѣчи:
Охъ ты гой еси, царь Батый Кайманович!
принимашь ли ты насъ, добрыхъ молодцовъ?
мы съ тобой возмемъ вмѣстѣ Кѣевъ градъ,
взямши ево, вызжемъ, вырубимъ,
божьи церкви со дымомъ пустимъ,
князя со княиней во полонъ возмёмъ,
а князей бояръ въ котлѣ сваримъ.... *)

4.

Сорочинычки.

Царь Иванъ Васильевичь
копилъ силушку ровно тридцать лѣтъ.
Накопилъ силы сорокъ тысячей,
накопилъ силушку, самъ въ походъ пошолъ;
черезъ Москву рѣку переправилса;
не дошодши города Серпуха
становился онъ въ зеленыхъ лугахъ,

*) Этимъ былина не оканчивается. По крайней мѣрѣ въ сказкѣ того же содержанія — Мамай (а не Батый) отвѣчаетъ Васютѣ пьяницѣ: Пропилъ ты, Васютка, свою голову; измѣнилъ родному отцу, матери; измѣнишь и мнѣ чужеродному. и т. д.

при алыхъ свѣтахъ, при лазоревыхъ;
сталъ онъ силушку переглядывать.
Князьямъ, бояромъ переборъ пришолъ,
енераламъ всѣмъ, федьмаршаламъ.
Одново изъ нихъ тутъ не лучилося,
што ни-лучьшево, слуги вѣрново,
Максима сына казачьево,
по прозванью-ту Красношшокова.
Сказали Царю про Мишиньку:
Измѣнилъ теѣ, Царю Бѣлому;
придался онъ къ Хану Турецкому,
ко шишиморѣ деревенскому,
онъ прельстилса на ёво золоту казну,
на то ли на платье на свѣтное,
на тѣхъ ли на Сорочинычокъ,
по нашему — на красныхъ дѣвушекъ.
По утру-ту было, на зоринькѣ,
на восходѣ красново солнышка,
не ясенъ соколъ по горамъ леталъ
ни бѣлой кречатъ перепархивалъ;
нашъ-атъ Мишенька съ полону ѣдетъ,
на Турецкомъ чёрномъ шахматѣ,
везетъ съ собой двѣ сумы переметныя,
въ сумахъ-ту сидятъ Сорочиночки,
Турецкаго хана двѣ дочери.
Не доѣхавши до шатра, самъ съ коня слѣзалъ
Не дошедши до Царя, сталъ низко кланяться:
Здравствуй, батюшка православный Царь!
не вели меня скоро ка́знити,
прикажи мнѣ слово молвити:

Здравствуй, батюшка православный Царь,
грозный Царь Иванъ Васильевичь,
со славнымъ городомъ со Серповымъ!
Возми ты у меня двухъ полонянычекъ,
Турецкаго хана двухъ дочерей.

5.

Правежъ.

Били доброво мóлодца на правежѣ
на жемчужнымъ перехрёстычькѣ,
во морозы во хрешшенскіе,
во два прутишка железные.
Онъ стоитъ удалинькой не тряхнетса,
и русы кудри не шолохнутса;
только горючѝ слезы изъ глазъ катятса.
Наѣжжаетъ къ нему православный Царь,
православный Царь Петръ Алексѣевичь.
Не золóтая трубынка востру́била,
не серебряна сиповычька возы́грала,
тутъ возгóворитъ Царь Петръ Алексѣевичь:
Вы за што добротново ка́зните?
бьёте ка́зните казнью смертною?
Тутъ возговорятъ мужики приходскіе:
Ужь ты гой еси православной Царь,
Царь Петръ Алексѣевичь!
мы за то ёво бьемъ казни́мъ,
онъ покралъ у насъ Николу-ту Можайсково
и унесъ казны сорокъ тысячей.
Тутъ возгóворитъ доброй мóлодецъ:

Ужь ты гой еси, православной Царь,
православной Государь Петръ Алексѣевичь!
не вели меня за слово ка́знить-вѣшати!
прикажи мнѣ слово молыти,
мнѣ сея добра молодца поправити!
Не я покралъ у нихъ Николу-ту Можайсково,
и не я унесъ у него золоту казну;
а покрали ёво мужики кашилы,
только лучилося мнѣ доброму молодцу
это дѣло самому видѣти.
Гулялъ я молодецъ по бережку,
на жолты́мъ песку, при мелки́мъ лѣску,
и увидѣлъ, што онѣ дѣлятъ казну,
не шшитаючи дѣля́тъ отгребаючи;
у меня у мо́лодца серцо разгорѣлоса,
молодецка кровь раскипѣласа;
ломалъ я молодчикъ мостовиночьку дубовую:
перебилъ я мужиковъ до полу́-смерти,
иныхъ прочихъ чуть живыхъ пустилъ.
И взялъ я у нихъ золоту казну,
взямши казну сталъ перешшитывать;
нашшиталъ казны сорокъ тысячей.
Тутъ не зо́лота трубынька востру́била,
не серебряна сиповычька возы́грала,
какъ возго́воритъ надёжа православной Царь,
православной Государь Петръ Алексѣевичь:
Ты куда такову казну дёвалъ?
Тутъ возго́воритъ доброй молодецъ:
Ужь ты гой еси православной Царь,
православной Царь Петръ Алексѣевичь!

прогулялъ я во кружалѣ
со голы́дьбою со кабацкою!..

6.

Кончина Петра Великаго.

Охъ, ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ!
что ты свѣтишь не по старому!
не по старому, не по прежнему,
не во всю землю Свѣторуськую?
Во Кремлѣ-то было, славномъ городѣ,
во соборѣ было во Успленскіемъ,
што на правымъ-те было на крылосѣ,
передъ чуднымъ было передъ образомъ,
на часахъ стоялъ часовой солдатъ,
часовой солдатъ, молодой брабантъ.
Вотъ молится онъ чудному образу:
онъ и самъ плачетъ, какъ рѣка льётса,
вотъ ужь слезы льютъ, какъ ключи тёкутъ,
воздыхаетъ онъ, словно лѣсъ шумитъ,
возрыдаетъ онъ, ровно громъ гремитъ;
онъ возговоритъ таковы рѣчи: —
Охъ ты гой еси мать сыра земля!
разступиса ты на всѣ четыре стороны!
развались-ка ты, бѣлъ горючь камень!
ты раскройса-ка, гробова доска!
распахнись-ка ты, золота парча!
развернись-ка ты, бѣлъ тонкóй саванъ!
ты востань-ка, нашъ православный Царь!
православный Царь Петръ Алексіевичь!
погляди-ка ты на свою силушку,

на свою матерь Росѣюшку!
вся Росѣюшка у насъ позамялася,
а все войское стоитъ — призадумалось!
по тебѣ, государь, православный Царь!

III.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЯ,

ЗАПИСАННАЯ ВЪ ВЕРЕТѢ

Г-МЪ ЦѢВНИЦКИМЪ.

Въ Извѣстіяхъ (Томъ I. стр. 186) уже было обращено вниманіе на особенности говора Ситкарей, живущихъ въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи по рѣкѣ Сити Теперь можемъ представить и любопытный образецъ этого говора, любопытный тѣмъ болѣе потому что онъ есть вмѣстѣ и образецъ еще мало извѣстнаго рода народныхъ пѣсень Великорускихъ—пѣсень надгробныхъ.

Пѣсни надгробныя поются надъ гробомъ покойника или передъ совершеніемъ погребальнаго обряда, когда сосѣди сбираются къ родственникамъ погребаемаго раздѣлить съ нимъ грусть утраты, или же по совершеніи обряда, когда гробъ уже опущенъ въ землю или и зарытъ: всѣ принимающіе участіе въ обрядѣ, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ, поютъ эти пѣсни напѣвомъ важнымъ, отзывающимся древностію, похожимъ на напѣвъ пѣсень колядныхъ. Подобныя пѣсни поются и во время поминокъ на могилахъ всѣми родственниками.

Сохраняя вполнѣ правописаніе Г. Цѣвницкаго, старавшагося передать выговоръ народный, мы удерживаемъ и принятый имъ Старославянскій знакъ ѥ.

Осударь ты нашь сердзѥшной другъ!
съ кѣмъ ты ѥвту думушку одумалъ!
Одумалъ ты съ маць-сырой зѥмлѥй.

Сорядзилъ са ты на жицьё виковѣшноё,
и покинулъ насъ сиротъ горькіѥвъ.
Ужъ на ково ты насъ покинулъ горькіѥвъ,
и на ково ты крѣпко спонадзѣялъ са?
Обудзи ко са ты, милъ сѥрдзѥшной другъ,
отъ жицья то виковѣшново.
Ужь воскинь-ко, весплѥсни рукамъ бѣлыѥмъ,
возгляни-ко оцамъ цѣ яснымъ,
роспѥцатай-ко свою уста сладкіи,
взмолви-ко съ намъ слово доброё.
Вспросили бъ мы цѥя, сироты горькіи,
вспросили бъ цѥя про твоё жицьё,
про твоё-то жицьё виковѣшноё.
Расказали бъ и мы про своё жицьё,
про своё жицьё про сиротскоё.
Што встанѥмъ мы сироты цѣ горькіи
Безъ цѥя, надзёжинька крѣпкая,
ужь по утру-то мы раньмъ-ранò;
умываѥмъ са нѐ свѣжой водой,
умываѥмъ са горюцымъ слѥзамъ,
уцѣраѥмъ са не тонкіѥмъ полотнамъ,
а своѥмъ горѥмъ великіѥмъ,
безъ цея ли, нашь ты надзёжинька.
Ужь куды мы ни пойдзёмъ, ни поѣдзёмъ,
ужь намъ то вѥздѣ горѥ кидаѥтъ са
на наши-цѣ ли бѣлы грудзиньки
къ нашимъ ли сѥрцамъ прикидаѥтъ са
со всѣвъ то ли цотырѥвъ сторонушокъ.

(Изъ 7-го выпуска 4-го тома Прибавленій къ Извѣстіямъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ.)

IV.

ПѢСНИ

ЗАПИСАННЫЯ СВЯЩЕННИКОМЪ К. ФАВОРСКИМЪ

ВЪ СЕЛѢ ПАВЛОВѢ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Сборникъ второй.)

1.

Былина про Василія Казнеровича и Добрыню Никитича, какъ они въ орду ходили.

Ни ясёнъ соколъ съ тёплà гнѣзда солётывать,
ни бѣлóй кречотъ съ тёплà гнѣзда сопорхывать;
востаетъ самъ батюшка Володиміръ князь
изъ свовà изъ мѣста княженецково.
Приказалъ онъ наливать чанъ зелёнà вина;
въ чанъ пушшаетъ золоту́ чару́ —
вѣсомъ чарà пол-сёмà пуда,
мѣрой чара пол-сёмà вёдрà.
Возгóворитъ самъ батюшка Володиміръ князь:
Охъ вы гой естя, мои сильны могучи богáтыри!
хто подыметъ эту чару́ одной рукой,

и хто вы́шьетъ эту чару́ одны́мъ духа́мъ;
сослужилъ бы мнѣ тотъ служебку великую;
съѣздилъ бы въ о́рду во невѣрную,
къ тому царю къ Ба́тырю ко Кайма́новичу;
отвёзъ бы ёму дани-пошлины,
всѣ выходы княженецкіе —
двѣнадцать тысячь золотой казны,
на двѣнадцать тысячь чистово се́ребра,
на двѣнадцать тысячь крупново жемчугу,
на двѣнадцать тысячь ясны́хъ соколо́въ,
на двѣнадцать тысячь бѣлы́хъ кречото́въ,
на двѣнадцать тысячь мѣ́лкихъ пта́шычокъ.
Я дамъ тому провожатыехъ
и вдвое дамъ сбережатыехъ.
Выходитъ доброй молодецъ,
ужъ и молодой Василій Казнѣровичь;
беретъ чару одной рукой,
выпиваетъ чару́ едны́мъ духа́мъ:
Ужъ ты батюшка нашъ Володиміръ князь!
сослужу тебѣ я служебку великую,
съѣзжу въ о́рду во невѣрную,
къ тому царю ко Батырю Кайманычу;
отвёзу ёму всѣ дани пошлины
и всѣ выходы княженецкіе *).
Мнѣ не надобно твоихъ провожатыихъ,
не нады твѣхъ сбережатыихъ;
только дай мнѣ братца названово,
да ужь молода Добрыню Никитича.
Добрыня, батъ, отца-матери хорошово;

*) Здѣсь снова слѣдуетъ перечень дани.

Добрыня роду племени учёново:
умѣтъ Добрыня слово молыти,
передъ тѣмъ царёмъ Батыремъ поклонитиса,
поклонитиса умѣтъ и похвалитиса.
Давалъ ёму князь Добрыню Никитича.
Пошли молодцы́ по конюшенкамъ по дубовыимъ
выбирать сеѣ добры́хъ коней.
Во стремена ногою не ступа́ючи,
и зау́здицу рукою не хвата́ючи,
садились молодцы́ на добры́хъ коней.
Поѣхали ко городу ко Астраханѣ.
Ѣхали онѣ трои суточьки.
Царь Батырь изъ окна глядитъ,
глядючи́ на нихъ улыбаетса и насмѣхаетса:
Што эта прилетѣли за двѣ пташки, за двѣ Рускихъ!
Не бывать вамъ мо́лодцамъ на святой Руси,
не видать вамъ мо́лодцамъ князя Володиміра
и не гу́ливать по ко́ннымъ по пло́шадямъ.
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
Охъ ты гой еси царь Баты́рь!
по чёмъ ты знаешь, по чёмъ вѣдаешь?
Мы ударимса съ тобою объ великъ закладъ;
ни объ стѣ рубляхъ, ни объ тысячѣ,
мы ударимся съ то́бою объ буйны́хъ головахъ.
Поставимъ въ чисты́мъ полѣ востро̀ копьё,
и станемъ въ востро копьё мѣ́тити
изъ твова̀ изъ высоково терёма̀,
изъ твова̀ станемъ кося́шшета окна:
хто не попадетъ въ востро̀ копьё,
рашшибить ёво на́-двое и на́-трое,

на́-трое и на-четверо.
Возго́воритъ царь Баты́рь:
Охъ вы гой естя мое Тата́ровья,
злыи мужики ула́новыи!
внеси́те мой ту́гой лукъ и калену̀ стрѣлу,
положите лукъ на дубовой столъ.
Внесли ему ту́гой лукъ,
положили на дубовой столъ.
Возго́воритъ царь Батырь:
Ишша што это дубовой столъ не шатнетса,
и у́ стола ноги не подломятса?
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
Подъ столомъ тѣ сидятъ двѣ пташки, обѣ Рускихъ.
Сталъ царь ту́гой лукъ натягивать,
сталъ калену стрѣлу накладывать;
тутъ и лопнулъ у нёво ту́гой лукъ....
Скоро сѣли молодцы̀ на добры́хъ коней,
учали по силушкѣ погуливать:
гдѣ повёрнутса, дѣлали улицы;
поворотятса — ча́сты пло́шади....
Царь Батырь изъ окна глядитъ:
Охъ вы гой естя доро́дныи молодцы!
Покиньте мнѣ людей хошь на сѣмины;
мнѣ не нады теперь вашихъ данёй-по́шлинеи
и всѣхъ выходовъ княженецкіехъ.

2.

Былина про Илью Муромца и Соловейка разбойника.

Не сы́рой дубъ къ землѣ клонитса,
ни бумажныи листочьки растилаютса:

растилается сынъ передъ батюшкомъ;
онъ и проситъ сеѣ благословеньица:
Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
дай ты мнѣ своё благословеньицо
Я поѣду въ славной, стольной Кѣевъ градъ
помолитьса чудотворцамъ Кѣевскимъ,
заложитьса за князя Володимѣра,
послужить ему вѣрой правдою,
постоять за вѣру Хрисьянскую.
Отвѣчатъ старо́й хресьянинъ Иванъ Тимофеевичь:
Я на добрыя дѣла теѣ благословленье дамъ,
а на худыя дѣла благословленья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
ни помысли зломъ на Татарина,
ни убей въ чисты́мъ полѣ хресьянина.
Поклонилса Илья Муромецъ отцу до́-земли,
самъ онъ сѣлъ на добра̀ коня,
поѣхалъ онъ во чисто̀ поле.
Онъ и бьётъ коня по крутымъ бёдрамъ,
пробиватъ кожу до чёрна̀ мяса;
ретиво́й ёво конь осержа́етса,
прочь о̀тъ земли отдѣляетса,
онъ и скачетъ выше дерева стоячево,
чуть пониже о̀болока ходя́чево.
Первой скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
у колодезя срубилъ сы́рой дубъ,
у колодезя поставилъ часовенку,
на часовнѣ подписалъ сво и́мичько:
Ѣхалъ такой-то си́льной, могу́чой богатырь

Илья Муромецъ сынъ Ивановичь;
въ третій скочилъ, — подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила — смѣты нѣтъ;
подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
съ кажнимъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сѐрцо разгóрчиво и неуёмчиво,
пу́шше огня óгничька серцо разыграетса,
пу́шше пля́шшово мороза разгорается.
Тутъ возгóворитъ Илья Муромецъ таково слово:
Не хотѣлось-было батюшку супроти́вникомъ быть,
и́шша знать-та ёво заповѣдь перестуши́ть.
Берётъ онъ въ руки саблю боёвую,
учалъ по силушкѣ погуливать:
гдѣ повернетса, дѣлалъ улицы,
поворотитса — часты плошшади;
добива̀етца до трихъ царе́вичовъ.
Тутъ возгóворитъ Илья таково слово
Охъ вы гой естя мое три царевича!
во полонъ ли мнѣ васъ взять,
ай съ васъ бу́йны головы снять?
Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
у меня дороги заѣ́зжія и хлѣбы завóзныи;
а какъ головы снять, царски сѐмины погуби́ть.
Вы поѣ́дьте по свымъ мѣстамъ,
вы чините вездѣ такову славу,
што святая Русь не пуста̀ стоитъ,
на святой Руси есь сильны̀, могу́чи бога́тыри.
Увидалъ ёво воевода Черниговской:
Што эта Господь сослалъ намъ за сосальника!
очистилъ нашъ славной Черниговъ градъ.

Возговоритъ воевода свымъ князьямъ боярамъ:
Подите, позовите до́бра мо́лодца
ко мнѣ хлѣба соли кушати.
Пошли тутъ князи бояря къ Муромцу:
Охъ ты гой еси дородной, до́брой мо̀лодецъ.
Какъ тея честны́мъ именемъ зовутъ?
какъ тея величаютъ по отечеству?
Меня именемъ зовутъ — Илейкой,
а величаютъ — сынъ Ивановичь.
Возговорятъ ему князи бояря:
Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
ты пойдёшь-ка къ воеводѣ нашему,
ты изволь у нёво хлѣба соли кушати.
Не йду я къ воеводѣ вашему,
не хочу у нёво хлѣба соли кушати;
укажите мнѣ прямую дорожиньку
на славной стольной Кѣевъ градъ.
Отвѣтъ держутъ князи бояря:
Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
пряма дорожка не проста стоитъ:
заросла дорога лѣ́сы Брынскими,
протекла тутъ рѣка Самородина;
ишшо̀ на дорогѣ Соловейко разбойничикъ
сидитъ на тридевяти дубахъ, сидитъ тридцать лѣтъ;
ни конному, ни пѣшому пропуску нѣтъ.
Поклонился имъ Илья Муромецъ.
Поѣхалъ онъ лѣсами Брынскими.
Услыхалъ Соловейко богатырской топъ,
и свиснулъ онъ громкимъ голосомъ.
Конь подъ Муромцомъ спотыкаетса.

Возговоритъ Илья свому коню доброму:
Охъ ты гой еси мой богатырской конь!
аль не ѣзживалъ ты по тёмны́мъ лѣсамъ,
аль не слыхывалъ пташьево посвисту?
Беретъ Илья кале́ны стрѣлы:
первò стре́лилъ, не достре́лилъ?
а вдруго́ридь, перестрѣлилъ;
въ тре́тьи стрѣлилъ, попалъ въ правой глазъ,
и сошиóъ ёво съ тридевяти дубовъ.
Привязалъ ёво къ коню во ка́раки;
поѣхалъ Муромецъ въ славной Кѣевъ градъ.
Возго́воритъ Соловейко разбойничикъ:
Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
мы заѣдемъ-ка съ тобою ко мнѣ въ гости.
Увидала Соловейкина ма́ла дочь:
Ишша вонъ ѣдетъ нашь батюшка,
ведётъ кривова мужика коня въ ка́ракахъ;
взглянула Соловейкина большая дочь:
Ахъ ты дура непови́тая! это ѣдетъ до́брой мо́лодецъ,
и ведётъ нашево батюшка коня въ ка́ракахъ.
И бросили́сь онѣ на Илью Муромца съ дре́кольемъ.
Возго́воритъ Соловейка разбойничикъ:
Не тумаши́теса, мое малы́ дѣтушки,
не взводите въ задоръ до́брово мо́лодца.
Возговоритъ Илья Соловейкѣ разбойнику:
Што у тея дѣти во единой ликъ?
Отвѣчатъ Соловейко разбойничикъ:
Я сына-та выросшу, за нёво дочь отдамъ;
дочь-ту выращу, отдамъ за́ сына,
штобы Соловейкинъ родъ не перево́дился.

За досаду Ильѣ Муромцу показалоса;
вынималъ онъ саблю свою вострую,
прирубилъ у Соловья всѣхъ дѣтушокъ.
Пріѣхалъ Илья Муромецъ во Кѣевъ градъ,
и вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
теѣ нада ль насъ — принимаешь ли
сильныхъ, могучихъ богатырей —
теѣ батюшкѣ на почéсь-хвалу̀,
твому граду стольному на и́зберечь,
а Татаровьямъ на посѣ́ченье.
Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:
Да какъ мнѣ васъ не надыта!
я вездѣ васъ ишшу, вездѣ спрашиваю.
На пріѣздѣ васъ жалую по добру̀ коню,
по добру̀ коню, по Латы́нскому богатырскому.
Возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
У меня свой конь Латы́нской богаты́рской.
Стоялъ я съ родимымъ батюшкомъ у заутрени,
хотѣлось постоять съ тобой у обѣденки;
да на дорогѣ мнѣ было три помѣшиньки:
перва помѣха — очистилъ я Черниговъ градъ;
друга́ помѣха — я мостилъ мосты на пятнадцать верстъ
черезъ ту рѣку, черезъ Самородину;
третья помѣха — я сши́бъ Соловья разбойника.
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
Охъ ты гой еси Соловейко разбойничикъ!
ты взойди ко мнѣ въ полату бѣлу-ка́менну.
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойникъ:
Не твоя слуга, не теѣ служу, не тея и слушаю;

я служу и слушаю Илью Муромца.
Возговоритъ Володиміръ: Охъ ты гой еси Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
прикажи ёму взойти въ полату бѣлу-ка́менну.
Приказалъ ему взойти Илья Муромецъ.
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
Охъ ты гой еси доро́дной, доброй мо́лодецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
прикажи ёму свиснуть громкимъ голосо́мъ.
Возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:
Ужъ ты батюшка нашъ Володиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы теѣ, батюшка, показалоса;
я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
а княиню-ту закрою подъ другою.
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
Свисни, Соловейко, въ полсвиста.
Свиснулъ Соловейка во весь голосъ:
сня́ло у полатъ верьхъ по оконичьки,
разломало всѣ связи желѣзныя,
попадали всѣ си́льны могу́чи бога́тыри,
упали всѣ зна́тны князи бо́яря,
одинъ устоялъ Илья Муромецъ.
Выпушшалъ онъ князя со княиней изъ подъ пазушокъ.
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
Исполать теѣ Соловейко разбойничикъ!
какъ тея взялъ это Илья Муромецъ?
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойничикъ:
Вить на ту́ пору больно пьянъ я былъ;
у меня большая дочь была именинница.
Это слово Ильѣ Муромцу не показалоса;

взялъ онъ Соловейку за верши́ночьку,
вы́велъ ёво на княжене́цкой дворъ,
кинулъ ёво выше дерева стоя́чево,
чуть по ниже обо́лока ходя́чево;
до сыро́й земли допу́скивалъ ино подхва́тывалъ.
Расшибъ Соловейко свое всѣ тутъ косточьки.
Пошли теперь къ обѣду княженецкому.
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
Охъ ты гой еси Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
жалую тея трёмя́ я мѣстами:
пе́рво мѣсто — подлѣ меня ты сядь,
друго́ мѣсто — супроти́ меня,
тре́тье — гдѣ ты хочешь, тутъ и сядь.
Зашолъ Илья Муромецъ со ко́нничька,
пожалъ онъ всѣхъ князей и бо́ярей
и си́льныхъ могу́чихъ бога́тырей;
учутилса онъ супроти́ князя Володиміра.
За досаду Олешѣ Поповичу показалоса;
взялъ Олеша булатной ножь,
онъ и кинулъ ёво въ Илью Муромца;
пымалъ на полету́ Илья булатный ножъ,—
взоткнулъ ёво въ дубовой столъ.

3.

Былина про молодца Чуриву.

У князя было у Володиміра,
у Кѣевсково было у Сыславича
было пированьицо почёсное —
чесно́ и хвально́, бо́льно ра́дышно,
на многи на кня́зи, на бо́яря
и на всю полянищу, на удалыхъ молодцо́въ.

Становилась е́ства пята-на́-двадцать —
бѣлая лебёдушка подъ уксусомъ.
Рушила княиня лебедь бѣлую.
Заглядѣлась она на Чури́ву на Цыплёнковича,
порѣзала княиня руку лѣвую;
со стыду, со сра́му̀ подъ столъ руку свѣсила.
Сама взго́воритъ таково́ слово:
Не́годенъ Чури́вушка въ постельничьки,
во наши во постели княженецкія.
Сказана Чури́вѣ служба я́вленая:
ёму ѣздить по го́роду по Кѣеву,
ёму звать гостей съ гости́нами жоны̀,
ёму звать князей со княи́нюшками,
ёму звать боя́ръ со боя́рынями.
Встаётъ Чури́ва ранёхынько,
умываетса Цыплёнковичь бѣлёхынько;
надѣватъ сапожки — зелёнъ сафьянъ,
пятки гла́тки, носкѝ плоскѝ,
кругъ пяты́ — хоть ицо́мъ прокати,
по́дъ пяту воробей проскочи.
Поѣхалъ Чури́вушка по городу по Кѣеву;
заглядѣлись на Чури́ву всѣ люди-тѣ:
гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трешшатъ,
гдѣ молодушки глядятъ — лишь око́ненки звенятъ,
гдѣ стары глядятъ — манатьѝ на сеѣ бёрутъ.

4.

Монастырь.
(1525 г.)

Ахти́, во Москвѣ у насъ братцы не здоро́во!
заунывно во царь-ко́локолъ благовѣсти́ли:

видно Царь на Царицу прогнѣви́лса,
и хочетъ сослать её въ ссылку,
во славной Суздаль городочикъ,
во пречёсной монастырь во Петровской.
Тутъ заплакала благовѣрная Царица;
во слезахъ говоритъ такое слово:
Охъ вы гой естя мое бѣлокаменны палаты!
ужъ мнѣ въ васъ, полатушки, не бывати;
отъ свова Царя ласкова слова не слыхати!
Собиралъ-та Царь возочикъ,
высылалъ Царицу въ городочикъ.
Тутъ возговоритъ благовѣрная Царица:
Охъ вы гой естя извошшичьки мое молодые!
вы потише поѣзжайте, не свишшите.
Авось ли Царь да на меня не умили́тса
не велитъ ли мнѣ назадъ воротиться.
Подъѣзжаютъ онѣ къ Петровскіемъ воро́тямъ.
Встрѣчатъ её игуменья съ сестрами
Тутъ возго́воритъ благовѣрная Царица:
Отойди́сь ты прочь, игуменья съ сестрами:
не на часъ я къ вамъ пришла часова́ти,
ни на е́дну тёмну ночьку ночовати;
я пришла къ вамъ вѣ́ки вѣковати. *)

5.

Гришка Отрепьевъ.

Владыко Царю Вседержителю!
да за што ты на насъ Госпо́ди прогнѣви́лса?

*) Это преданіе можетъ относиться къ царицѣ Аннѣ, супругѣ Іоанна Грознаго, скончавшейся и погребенной (около 1577) въ Суздальской дѣвичьей обители; но вѣроятнѣе воспоминаетъ о царицѣ Соломоніи, супругѣ Василія Іоанновича, сосланной въ Суздальскій монастырь въ 1525 и скончавшейся тамъ въ 1542 году (Карамзинъ. И. Г. Р. VI. г. 1525).

послалъ намъ, Господи, прелéсника;
тово ли Гришку Отреплева!
Онъ прельстилъ собака цѣлы три óрды:
Перва óрда — проклятà Литва,
а друга óрда — хана Крымскова, —
третья óрда — басурмáны Запорожскіе.
Онъ взмутилъ собака православну Русь:
не успѣлъ онъ собака воцарúтиса,
захотѣлъ собака женитиса;
не у насъ-та онъ, братцы, беретъ въ каменнóй Москвѣ,
онъ беретъ-же братцы въ проклятóй Литвѣ,
у тово ли у Юрья пана Сендофорсково,
ту ли Маринку дочь Юрову.
Онъ и дѣлатъ сварьбу не въ удобнóй день —
на тотъ ли на праздникъ на Николинъ день.
Всѣ князья бояря къ заутренѣ пошли,
а Гришка съ Маринкой въ баню пошолъ;
всѣ князья бояря отъ заутрени идýтъ,
а Гришка съ Маринкой изъ бани идётъ.
На Гришкѣ одёжа чёрново сóболя,
на Маринкѣ одёжа рытово бархата.
Онъ восходитъ собака на краéнъ крылецъ;
онъ воскрикнетъ собака громкимъ голосомъ:
Ишша если у меня кýхари и пóвары,
стряпали бы пóсно и скоромное;
пріѣдетъ ко мнѣ незваной гость,
незваной гость, любимой тесть.
Всѣ князья и бояря испужалиса,
во Чудовъ монастырь набросалиса
къ той ли нашой Государынѣ:

Ужь ты матушка наша Государыня,
православная Олёна Михайловна!
твой-атъ сынъ на Царство сѣлъ:
а ведетъ сея не по царскому.
Тутъ заплакала Государыня горючѝ слезы̀:
Ужь вы глупые бояря неразумные,
мой-атъ сынъ на Угличѣ убитъ:
лежатъ ёво мо̀щи въ каменной Москвѣ,
въ тѣмъ ли собо́рѣ Михайла Арханьела.

6.

Не летай, соко́лъ далёко и высоко̀,
далёко и высоко̀ на синё моря̀;
не машѝ, соколъ, крыломъ пра̂вымъ,
не ронѝ пе́рья во синё моря̀,
на синё моря̀ и на черну́ю грязь.
Не ходи, молодецъ, вдоль по улицѣ;
не гуляй, удалой, вдоль по ши́рокой;
не машѝ, молодецъ, рукой правою,
рукой правою, рукой бѣлою.

7.

Царь Петръ Алексѣевичь ворочается.

А у насъ было на синёмъ морѣ,
на синёмъ морѣ на Балтійскіимъ,
выплыва́лъ, выбѣгалъ Муравéй кора́бь,
хорошо кора́бь изукра́шеной,
ме́лкимъ же́мчугомъ изуни́заной.
На кора́бликѣ всѣ сна́сточьки шелко́выя;
на немъ мазу́рушки всё полко́вничьки,
а пасажи́рушки всё енера́лушки;

на носу сидитъ православной Царь,
православной Царь, Петръ Алексѣевичъ;
на кормѣ сидитъ молодой Нѣмецъ.
Онъ бѣжитъ корабь изъ иной земли,
изъ иной земли, земли Швецкія
во нашу мать во Россѣюшку.

8.

Село Павлово.

Ужъ ты славное сёло Павлово,
слобода графа Шереметева!
про тея, сёло, идетъ слава добрая,
слава добрая, рѣчь хорошая,
будто ты, сёло, на красѝ стоишь,
на краси стоишь, на крутой горѣ,
на крутой горѣ, по раздо́льицу,
ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыихъ;
промежь тея бѣжитъ рѣчька Та̀рычька,
возлѣ-бо̀къ бѣжитъ Ока матушка,
По Окѣ рѣкѣ бѣжитъ ло́тычька,
лёгка лотычька раскраше́ная,
все гребцами лотка усажо̀ная,
какъ на восьмера на весе́личьки.
Въ этой лотычькѣ самъ графъ гулялъ
Шереметевъ графъ Борисъ Петровичь.

9.

Походъ подъ Полтаву.

На царскій праздникъ, на великъ день,
на Свѣтло Христово Воскресенье,
заунывно во царь-колоколъ заблагвѣстили.

Всѣ князи бояря пріуныли;
собиралися въ Успенскій соборъ Богу молиться.
Всѣ князи бояря Богу молились.
заздравно молебны служили.
Одинъ изъ нихъ бояринъ Богу молилса,
заздравна молебна не служитъ;
частёхонько изъ собору вонъ выходитъ,
къ бѣлокаменной оградѣ припадаетъ,
бѣлъ горючь камень слезами заливаетъ, —
графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ.
Возго́воритъ бояринъ: Господа бояря!
нешта мнѣ больно тошно;
грустнымъ-та мнѣ боярину грусненько.
сказана мнѣ боярину служба царска;
указана мнѣ боярину въ полѣ дорожка —
подъ славный городъ подъ Полтаву:
ѣхать мнѣ боярину на поединокъ.

10.

Походъ на Азовъ.

Собираетса православный Царь подъ крѣпкой Азо́въ городъ.
Собираетъ онъ тележинекъ сорокъ тысячей;
въ кажную тележку сажалъ по пяти молодчиковъ,
по шестому приставливалъ по извоштичьку;
укрывали суконцами багрецовыми,
убивали гвоздочьками полужоными.
Подъѣжжали къ Азо́вскимъ крѣпкимъ воротичькамъ.
Возго́воритъ православной Царь таково слово:
Охъ вы гой естя, Азо́вскіи карау́льшшичьки!
доложите во Азо́вѣ свымъ нача́льничькамъ:

Пріѣхалъ къ вамъ богатой гость Ѳёдоръ Ивановичь
съ тѣми ли съ товарами заморскими,
со куницами пріѣхалъ и съ соболицами.
Отворяли ёму Азовски крѣпки воротичьки.
Онѣ ѣхали во Азо́въ городъ трои су́точьки,
на четвёртые су́точьки уставились.
Тутѣ возговоритъ православной Царь таково слово:
Охъ вы гой естя, изво́шшичьки до́бры мо́лодцы!
Отдирайте суконцы во еди́ной махъ.
Отдирали они суконцы ско́ро на́ скоро,
вылетали изъ ка́жней изъ тележки по пяти моло́дчиковъ:
они сабли во́стры на голо держутъ.
Испужалися Азо́вскіи начальничьки:
Ужь ты батюшка нашь,
православной Царь Петръ Алексѣевичь!
не мути́ ты нашь ти́хой Донъ:
мы ста́немъ тѣ служить вѣкъ вѣрой-правдою
вѣрой-правдою, и какъ тѣ надобно.

V.

БЫЛИНЫ

ИЛИ

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ,

СОБРАННЫЯ

Г-мъ ГУЛЯЕВЫМЪ.

1.

Про Илью Муромца и Ермака Тимоѳеевича.

Какъ во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
у ласкова князя Володиміра,
собиралися князья и бояре
и сильные могучіе богатыри,
собиралися думушку думати.
Наступалъ на Кіевъ царь Мамай
со своею невѣрною силою.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать,
Ишшо какъ то намъ будетъ воеваться съ нимъ?
Тутъ то князья и бояре совѣтуютъ,
что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
да засыпать желтымъ пескомъ.

Какъ вскочилъ тутъ старый казакъ,
что старый казакъ — Илья Муромецъ,
что со стула, со золотаго;
сталъ Илья Муромецъ рѣчь держать:
Что надо послать къ Мамаю скора̀ гонца,
попросить сроку на три мѣсяца,
чтобы силой намъ поисправиться,
а могучимъ богатырямъ посъѣхатися.
Есть на полѣ, на Куликовѣ,
есть у насъ тридевять богатырей:
Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
Иванъ Колывановичъ....

Посылалъ Владиміръ къ Мамаю скора гонца.
Пріѣзжалъ гонецъ къ Мамаю царю,
не обзываючись, не обсылаючись;
клалъ указы на дубовый столъ,
а самъ сталъ на словахъ говорить:
Гой-еси, ты, царь Мамай!
проситъ нашъ Володиміръ князь
у тебя сроку на три мѣсяца;
чтобы съ силою поисправиться,
а могучимъ богатырямъ всѣмъ посъѣхаться.
Царь Мамай разсмѣялся тутъ:
Хошь просили бы вы сроку на три годы,
да и тутъ вамъ будетъ неисправиться;
а силы у меня припасеныя:
сколько въ лѣсѣ лѣсу, на лѣсу листу;
окромѣ того у меня есть тридевять богатырей;
девять сыновей, девять дочерей, да девять зятевей.

Сы̀ро — матѐро [2] дубье поволачиваютъ
кореньемъ къ верху пометываютъ.
Однакъ даю вамъ сроку, сколько просите,
сколько просите — на три мѣсяца.

Пріѣзжалъ гонецъ во Кіевъ градъ
ко ласкову князю Володиміру,
говорилъ гонецъ таковы слова:
Царь Мамай даетъ сроку на три мѣсяца.

Посылать сталъ Володиміръ князь
старо́ва казака Илью Муромца,
что на поле, на Куликово,
что за тридевятью богатырями.

Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ
выходилъ онъ на широкой дворъ,
входилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
выбиралъ коня богатырскаго,
сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкіимъ,
Зашпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
а тринадцатою подпругою булатною,
не для красоты молодецкія,
а для крѣпости богатырскія.
Выѣзжалъ онъ на широкой дворъ,
билъ коня палицей по крутымъ бедрамъ.
Скакалъ конь черезъ стѣну бѣлокаменну,
и ударился бѣжать во чисто поле.
А поскоки его были по пяти-то верстъ,
изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
сырой земли по сѣнной копнѣ.

Прискакалъ Илья Муромецъ на поле,
что на поле, на Куликово,

гдѣ было тридевять богатырей.
Отмахивалъ [3] плѣтовищемъ моложавымъ [4]
по бѣлу шатру на праву сторону;
говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
Гой-еси, вы, тридевять богатырей!
Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
Иванъ Колывановичъ!
Проситъ васъ Володиміръ князь
изъ бѣды его выручить;
наступаетъ на него царь Мамай
со своею невѣрною силою.
Говорятъ тутъ могучіе богатыри
старому казаку Ильѣ Муромцу:
Ты сойди-ко, Илья Муромецъ, съ добра коня,
ты войди-ко къ намъ во бѣлъ шатеръ,
вышить у насъ чару зелена вина,
зелена вина въ полтора ведра!
Сходилъ Илья Муромецъ съ добра коня,
входилъ онъ къ нимъ во бѣлъ шатеръ
вышивалъ онъ чару зелена вина,
зелена вина въ полтора ведра.
Наливали богатыри другу чару,
подносили чару Ильѣ Муромцу;
съ той-ли чары Илью хмѣль зашибъ.
Ложился Илья Муромецъ во бѣломъ шатрѣ,
во бѣломъ шатрѣ опочивъ держать.
Богатырской сонъ по двѣнадцать денъ!
А Владиміръ князь Илью ждетъ пождетъ,
Илью ждетъ пождетъ и не дождется.

Посылаетъ ко Ильѣ онъ племянника,
молодова Ермака Тимоѳеича.
Выходилъ Ермакъ на широкой дворъ,
заходилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
выбиралъ себѣ коня богатырскаго;
сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкіимъ,
Зашпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
а тринадцатою подпругою булатною:
Не ради красоты молодецкія,
а ради богатырскія крѣпости.
Выѣзжалъ Ермакъ на широкой дворъ;
билъ онъ коня по крутымъ бедрамъ:
Поднимался конь чрезъ стѣну бѣлокаменну,
и ударился конь во чисто поле.
Поскоки его были по пяти-то верстъ;
изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
сырой земли по сѣнной копнѣ.
Пригонялъ онъ на поле Куликово
и отмахивалъ плѣтовищемъ моложавыимъ,
по бѣлу шатру, богатырскому.
Ахъ, вы, гой еси, могучіе богатыри!
Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
что Иванъ Колывановичъ!
проситъ васъ Володиміръ князь
во Кіевъ-градъ на выручку;
наступаетъ на Кіевъ царь Мамай
со своею силою невѣрною!
Говорятъ ему тутъ богатыри:
Ты, сойди-ко Ермакъ со добра коня,

ты войди-ко Ермакъ во бѣлъ шатеръ;
ты испей-ко чару зелена вина,
зелена вина въ полтора ведра.

Отвѣчаетъ имъ молодой Ермакъ:
Если выпить, какъ мой дядюшка,
что старый казакъ Илья Муромецъ,
такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати.

Оборачивалъ онъ коня богатырскаго
и поѣхалъ ко городу Кіеву.
какъ пріѣхалъ онъ къ городу Кіеву,
что нельзя ему въ городъ въѣхати:
Обступила вокругъ чужа сила.
Какъ въѣзжалъ Ермакъ на круту гору
и сталъ онъ силу посмѣчивать,
что посмѣчивать сталъ, посписывать.
А силы-то было видимо не видимо:
ни смѣтить силы, ни списать нельзя.
А кромѣ того было тридевять богатырей:
Девять сыновей, да девять дочерей,
да девять зятевьевъ Мамаевыхъ,
а надъ всѣми набольшій царь Мамай.

Видитъ Ермакъ, дѣлать нѣчего:
Поскакалъ онъ въ силу со крутой горы,
сталъ помахивать своей палицей,
а палица-то во двѣнадцать пудъ,
куда ей махнетъ — тамъ и улица,
а отмахнетъ — переулочекъ.
И бился Ермакъ что двѣнадцать дней,
побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,

а силы все, кажись, не убыло,
а Ермакъ изъ силы выбился.
Въѣзжалъ онъ на круту гору,
раскидывалъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
и ложился опочивъ держать.
Какъ посмотритъ вокругъ въ широко поле,
не туманъ въ поле поднимается,
а ѣдутъ тамъ тридевять богатырей,
впереди-то всѣхъ что старый казакъ,
что старый казакъ Илья Муромецъ.
Подъѣзжаютъ богатыри ко крутой горѣ,
къ молодому Ермаку Тимоѳеичу.
Помогай-те Богъ, молодой Ермакъ!
молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!
побивать силу невѣрную!
Говоритъ ему тутъ старый казакъ,
что старый казакъ, Илья Муромецъ:
Отдыхай теперь, молодой Ермакъ,
молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!
Посылалъ Илья Муромецъ богатырей,
побивати силу невѣрную:
которыхъ слалъ отъ синя моря,
которыхъ слалъ отъ чиста поля,
а которыхъ слалъ отъ Почапъ-рѣки; (5)
чтобы въ нашу воду не бросалися,
чтобы нашу воду не поганили.
И бились богатыри двѣнадцать дней,
и прибили всю силу невѣрную,
и Мамая царя со богатыри,
съ девятью сыновьями, девятью дочерями

и со девятью зятевьями.
Въѣзжали всѣ на круту-гору
къ молодому Ермаку Тимоѳеевичу.
Просыпался тутъ молодой Ермакъ
молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ.
И поѣхали всѣ во Кіевъ градъ,
что ко ласковому князю Володиміру.
Встрѣчалъ богатырей Владиміръ князь,
принималъ онъ ихъ съ честью-почестью;
собиралъ всѣхъ князей, бояръ,
и сильныхъ могучихъ богатырей.
И гуляли всѣ, веселилися,
не много, не мало — ровно тридцать дней.
Отправлялись тутъ могучіе богатыри
что на поле, на Куликово;
вѣдь въ Кіевѣ-то не льзя имъ жить:
Разгуляются, распотѣшатся;
распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать;
а такія потѣхи богатырскія
народу было не вытерпѣть:
котораго толкнутъ — тому смерть, да смерть.
Отправлялъ тутъ ихъ Володиміръ князь,
Просили они князя Владиміра
отпустити въ гости Илью Муромца
съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
погулять въ полѣ, потѣшиться,
богатырской удалью похвастаться
Отпускалъ Илью Муромца Володиміръ князь
съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеичемъ,
отпускалъ ихъ съ честью, съ радостью.

Приѣзжали богатыри на поле,
на широкое поле — Куликово;
раскидывали тамъ бѣлы шатры,
стали пить, гулять и тѣшиться,
богатырской удалью хвастатись.
Прискакала вдругъ къ нимъ бабища:
Головища у бабы съ дощанище, (6)
а глазищи-то съ пивны-корцы. (7)
Говорила баба таковы слова:
Гой еси, вы, тридевять богатырей!
побили вы нашу всю силу,
всю силу Мамаеву;
побили вы тридевять богатырей,
которы сыры-матёры дубы
изъ земли поволачивали,
а кореньемъ къ верху помётывали;
убили вы моего царя!
а счастье было ваше великое,
что меня на бою не случилося!
выходите-ко теперь со мной битися!
выходите, поединьщики, по единому,
а всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно!
Богатыри тутo призадумались,
соскочилъ только старый казакъ
что старый казакъ—Илья Муромецъ,
Дайте-ка мнѣ, братцы, съ ной расправиться!
Молодому Ермаку Тимоѳеичу
за обиду то показалося,
что идетъ Илья Муромецъ съ бабой битися.
Дайте-ко мнѣ, братцы, сперва развѣдаться,

а пробьюсь я съ ней двѣнадцать дней,
приѣзжайте меня попровѣдати.

Выходилъ Ермакъ изъ бѣла шатра,
и садился онъ на добра коня,
выѣзжалъ съ бабищей въ чисто поле.
Какъ ударились они сперва палицами —
словно громъ грянулъ изъ темной тучи,
приломали они свои палицы.
А послѣ стали биться копьями —
изломали и тутъ востры копьи.
Сходили они съ коней богатырскіихъ,
бились въ рукопашный бой.
А и билися двѣпадцать дней.
Поизмучился молодой Ермакъ,
молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ;
стала бабища одолѣвать его.

Приѣзжалъ тутъ попровѣдать Илья Муромецъ.
Тебѣ Богъ-помочь, молодой Ермакъ,
молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!
какъ возговоритъ молодой Ермакъ:
Ахъ ты, дядюшка, Илья Муромецъ!
приходитъ мнѣ скорая смерть,
что отъ бабищи, отъ Мамаишны!

Говорилъ тутъ старый казакъ,
что старый казакъ — Илья Муромецъ:
Молодой ты, Ермакъ Тимоѳеевичъ!
видно бабьей ухватки [8] не знаешь ты?
Ты бери-ко ее за бѣлы груди;
развернись, да ударь о сыру землю!

Молодой Ермакъ тутъ послушливъ былъ:
сохваталъ бабу за бѣлы груди
и ударилъ бабу о сыру землю;
убивалъ бабищу до смерти.

Приѣзжали они въ бѣлъ шатеръ,
стали ширъ вести, потѣшатися.

(1) *Побывальщина*—разсказъ про былое; *былина*. Слово Сибирское.
(2) *Матёрый*—большой, высокій.
(3) *Отмахивалъ*—хлопнулъ, ударилъ.
(4) *Моложавое плътовище* — изъ жимолости; у Кирши Данилова всегда *таволжаное* (изъ таволги *spiraea*).
(5) *Почапъ-рыка* — Почайна?
(6) *Дощанище, дщанъ* — чанъ, ушатъ.
(7) *Пивны корцы*—большіе ковши съ длинною рукояткою; ими черпаютъ изъ котла горячую воду, когда варятъ пиво.
(8) *Ухватка*—увертка.

2.

Про Добрыню и жену его.

У того было приходу Воскресенскаго,
что по той-то было улицѣ Устрѣтенской,
тутъ стояли-то палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтричка палаты зашатались,
не отъ вихорю палаты отворялися:
заходилъ туда Добрыня со товарищи,
со князьями, со бояры, со богатыри.
Въ полпьяна они, бояре, напивалися,
въ полсыта они, бояре, наѣдалися.
Во хмѣлю-то всѣ бояре прирсхвастались:
еще кто-то бы похвасталъ своей удалью,
еще кто-то бы похвасталъ своей бодростью,
а Добрынюшка похвасталъ молодой женой!
Что надъ тѣмъ-то всѣ бояре усмѣхнулися,

другъ на друга-то бояре оглянулися;
со бесѣдушки бояре разъѣзжалися,
со Добрынею бояре распрощалися,
надъ Добрынею бояре всѣ смѣялися.
Межъ собой они, бояре, разговоръ вели:
Еще чѣмъ-то, намъ, Добрыня сынъ Никитьевичъ,
еще чѣмъ-то, ты, Добрынюшка, намъ хвастаешь!...

3.

Про Илью Муромца.

Какъ издалеча, изъ чиста поля,
изъ раздольица изъ широкова,
выѣзжаетъ тутъ старый казакъ;
старъ старый казакъ, Илья Муромецъ,
на своемъ онъ на добромъ конѣ.
На лѣвой бедрѣ сабля острая,
во правой рукѣ тупо копье.
Онъ тупымъ копьемъ подпирается,
своей храбростью похваляется;
что велитъ-ли Богъ въ Царѣ-градѣ быть,
я старыхъ Турковъ всѣхъ повырублю,
молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму.
Не откуль взялся богатырь Турокъ;
съ Ильей съѣхался, не здоровался;
приразъѣхались, приударились.
Онъ и бьетъ Илью острымъ концомъ,
Илья Муромецъ бьетъ тупымъ копьемъ.
Онъ сшибаетъ Турка съ добра коня.
Ужъ какъ палъ Турокъ на сыру землю;
онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,

онъ понесъ Турка во чисто поле,
во чисто поле, ко синю морю;
онъ бросалъ Турка во сине море.
Какъ сине море всколебалося,
на пески вода разливалася.

4.

Про Кострюка Мастрюка.

Какъ во матушкѣ, въ каменной Москвѣ,
у того-то было царя-богатыря
у Ивана то свѣтъ Васильевича
отдавалася за мужъ дочь бóльшая
за Кострюка Мастрюка
молодова Севрюковича.
Дѣлалъ царь богатырь для князей бояръ
почетный пиръ, гостей подчивалъ.
Гости пили, ѣли, проклажалися,
а молодой-то Кострюкъ Мастрюкъ
на пиру сидѣлъ призадумавшись.
Говорилъ ему царь богатырь:
Что жъ ты Кострюкъ призадумался
моего хлѣба-соли не кушаешь?
Бѣлаго лебéдя не рушаешь?
Аль на меня ты лихо думаешь,
али на дочь мою бóльшую?
Отвѣчаетъ тутъ Кострюкъ Мастрюкъ,
молодой нашъ Севрюковичъ:
Ой же ты царь-богатырь,
свѣтъ Иванъ Васильевичъ!
ты тѣмъ меня все подчиваешь,

чего я, Кострюкъ, не ѣмъ.
У тя нѣтъ вѣрно на кулакъ бойца?
На кулакъ бойца, на ногу̀ борца?
Выходилъ тутъ царь богатырь
на крылечко на дубовое,
ко периламъ ко точенымъ,
ко медвѣдку ко черному; (1)
закричалъ онъ зычнымъ голосомъ,
свиснулъ богатырскимъ посвистомъ:
Гой еси вы, борцы хватцы̀,
Борцы хватцы̀, славны молодцы!
приходите ко крыльцу ко дубовому,
ко периламъ ко точенымъ
ко медвѣдку ко черному;
побороться съ Кострюкомъ Мастрюкомъ,
со молодымъ-то Севрюковичемъ!
На ту пору въ каменной Москвѣ
борцовъ молодцовъ не случилося,
только случилося два брата,
два брата, два Вологжанина,
они города Кашенина:
Одинъ Ванюшка маленькой
да Поташка небытенькой; (2)
что на ножку припадываетъ
костылькомъ подпирается.
Они полы затаркивали, (3)
рукава позадергивали; (4)
приходили къ крыльцу ко дубовому
ко периламъ ко точеныимъ
ко медвѣдку ко черному.

Закричали они громкимъ голосомъ:
Ой же ты, Кострюкъ Мастрюкъ
молодой нашъ Севрюковичъ!
Ты ѣшь, пьешь, проклажаешься,
а борцы то давно у крыльца стоятъ!
Побѣжалъ тутъ Кострюкъ Мастрюкъ
молодой нашъ Севрюковичъ;
зацѣпилъ онъ чернымъ башмачкомъ,
зацѣпилъ за скамеечку;
повалилъ онъ тою скамьей
кабы триста Татариновъ,
да полтораста бояриновъ,
да семьсотъ Донскихъ казаковъ.
Выходилъ на крылечко на дубовое,
ко периламъ ко точенымъ,
ко медвѣдку ко черному;
говорилъ тутъ Кострюкъ Мастрюкъ,
молодой нашъ Севрюковичъ:
Да что это за борцы хватцы!
что за славны это молодцы!
что мнѣ не ково и въ руки-то взять!
Закричалъ тутъ Ванюшка маленькой
да Поташка небытенькой:
Ой же ты, Кострюкъ Мастрюкъ,
молодой нашъ Севрюковичъ!
не хвались-ко ты въ городъ ѣхавши,
а похвастай-ко выѣхавши!
Схватился онъ съ Ва́нюшкой
что съ Ва́нюшкой съ маленькимъ.
Ужъ какъ тотъ Кострюка Мастрюка,

молодова Севрюковича
на головку поставливалъ,
безъ рубашки снаряживалъ. (5)

И кричитъ Кострюку Мастрюку
молодому Севрюковичу,
кричитъ теща любимая:
Ахъ ты, нашь Кострюкъ Мастрюкъ,
молодой нашь Севрюковичь!
былъ ты какъ маковъ цвѣтъ,
а сталъ теперь какъ мать родила!

Закричалъ тутъ Кострюкъ Мастрюкъ:
Ахъ ты, теща любимая!
ты какъ пыль толоконная,
какъ затычка оконная!
Вѣдь не то мнѣ-ка дорого,
что чистое золото;
а то мнѣ-ка дорого —
похвала молодецкая! (6)

Брался тутъ Кострюкъ Мастрюкъ
молодой нашъ Севрюковичь
со Поташкой, съ небытенькимъ.
Какъ тутъ то Кострюка Мастрюка
забиралъ онъ поперегъ живота,
поднималъ онъ повыше себя;
какъ ударилъ объ сыру землю;
тутъ то Кострюкъ Мастрюкъ
съ отцомъ, съ матерью прощается
съ душою разставается.

(1) *Ко медвѣдку, ко черному*, — изваянному для украшенія ступеней крыльца.

(2) *Поташка*—уменьшительное имя Потапъ; *небытенькій*—худенькій, соотвѣтствуя выраженіямъ: *некорыстный, немудрый.*

(3) *Затаркивали*—затыкали за кушакъ, какъ это дѣлается обыкновенно при борьбѣ и во время работы.

(4) *Позадергивали*—засучивали.

(5) *На головку поставливалъ, безъ рубашки снаряживалъ*—т. е. опрокидывалъ Кострюка на землю, головою внизъ, отъ чего рубашка не поддерживаемая поясомъ, спустилась.

(6) *Вѣдь не то мнѣ-ка дорого* и пр. значитъ: *Все это ничего, обидно только для молодецкой удали.*

—

Примѣчаніе С. Н. *Гуляева.* Всѣ четыре *побыва́льщины* списаны, съ буквальною точностію, со словъ: первая и четвертая со словъ крестьянина деревни Черни, Городенскаго погоста въ Лужскомъ уѣздѣ, Ефима Парфенова Быкова; вторая со словъ мастера Колыванской шлифовальной фабрики Н. В. Черешнова, а третья *) отъ Барнаульскаго мѣщанина И. М. Калистратова, жившаго въ деревнѣ Калистратихѣ, въ 37 верстахъ отъ Барнаула, по дорогѣ въ Змѣиногорскъ.

Крестьянинъ Быковъ, занимающійся извозомъ въ С. Петербургѣ, говорилъ мнѣ, что, кромѣ разсказанной имъ, онъ много слышалъ подобныхъ *побыва́льщинъ* о князѣ Владимірѣ и богатыряхъ его отъ своего дѣда и частію отъ отца, прибавивъ, что «Старикъ-дѣдъ жилъ около ста лѣтъ, а можетъ и болѣе. Когда вся семья соберется бывало въ зимній вечеръ, да усядется за работу, старикъ почнетъ разсказывать, да разсказывать про старину, что и конца-то нѣтъ.» Къ сожалѣнію, Быковъ другихъ *побыва́льщинъ* не помнитъ, сознаваясь, что и въ разсказанной имъ онъ совершенно позабылъ имена всѣхъ *тридевяти богатырей* Владиміровыхъ. При разсказѣ онъ говорилъ сряду нѣсколько стиховъ, потомъ останавливался, припоминая то слово, которое для смысла рѣчи и особенно для плавности стиха, было ему нужно. «Нѣтъ; не такъ: не

*) Она помѣщена въ статьѣ: «Этнографическіе очерки Южной Сибири», напечатанной въ 9 и 11 №№ журнала «Библіотеки для Чтенія».

гладко; дайте сдумать» говорилъ онъ, останавливая меня. Въ былинѣ его встрѣчается слово *зашпиналъ* (двѣнадцатью подпругами шелковыми). Хотя оно звучитъ почти также, какъ и слово *зашпиливать*, однако, я полагаю, что первообразъ его есть слово Сѣверноруссkаго нарѣчія, *шпенёкъ* или *спенёкъ* означающее желѣзный гвоздь, безъ шляпки, и шпильку въ пряжкѣ у подпруги, у ременнаго пояса и проч.

Что касается до содержанія первой *побывáльщины*, то въ ней, какъ въ изустномъ преданіи, конечно, осталось немногое въ томъ видѣ, какъ она первоначально появилась, сложенная, быть можетъ, какимъ либо народнымъ поэтомъ древняго Новгорода. — Въ побывальщинѣ этой Мамай дѣлается современникомъ Владиміра, а въ числѣ богатырей послѣдняго находится и Ермакъ Тимоѳеевичъ! Двѣ замѣчательныя, отдаленныя однакожъ нѣсколькими вѣками отъ временъ Владиміровыхъ личности. — Въ одной изъ былинъ сборника Кирши Данилова (XXIV) также говорится о нашествіи на Кіевъ какого-то Татарскаго царя Калина, съ силой котораго бился Илья Муромецъ да стрѣлецъ Василій пьяница. Не смотря на искаженіе древнихъ преданій нашихъ предковъ о событіяхъ прежняго времени, колоссальный образъ Владиміра Святославича, Солнышка Кіевскаго, до сихъ поръ еще возвышается надъ всѣми въ памяти Русскаго народа, сочувствующаго богатырской удали Кіевскихъ витязей, до того, что и тѣхъ лицъ, которыя дѣйствовали во времена позднѣйшія, относитъ къ одному и тому же княженію Владиміра и городамъ Кіеву и Новгороду.

Что касается до четвертой побывальщины, то въ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ» находится почти такого же содержанія былина «Мастрюкъ Темрюковичъ» (на 35 стр. 2 изд.). Дѣйствіе, какъ и въ этой, происходитъ въ Москвѣ во время свадебнаго пира; но въ ней не царь отдаетъ за мужъ дочь, а самъ женится на сестрѣ Мастрюковой; не теща послѣдняго, а сестра принимаетъ участіе въ Мастрюкѣ. Борцы у Данилова также два брата: Мишка да Потанька—Борисовичи;

но вообще разсказъ его о борьбѣ заключаетъ въ себѣ болѣе подробностей и полноты.

Не льзя не желать, чтобы люди грамотные приняли, по мѣрѣ возможности, живое, дѣятельное участіе въ собраніи этихъ памятниковъ народной нашей поэзіи любопытныхъ во многихъ отношеніяхъ, и сохраняющихся преимущественно въ Великороссійскихъ губерніяхъ и въ Сибири.

Любопытна будетъ, вѣроятно, для любителей народной словесности нашей и слѣдующая

VI.

ПѢСНЯ

СПИСАННАЯ СО СЛОВЪ ТОГО ЖЕ КРЕСТЬЯНИНА БЫКОВА.

Ахъ ты, молодость молодецкая!
красота-ли залихватская!
Истаскалъ я, износилъ тебя,
не въ корысть себѣ и не на радость!
Ужъ какъ далъ-то Богъ молоду жену,
молоду жену, не корыстную;
не продать жены и не промѣнять!
Я пойду съ горя на сине море,
и взойду я на пристань корабельную;
я найму женѣ новой корабль,
посажу въ него молоду жену.
Отвалю корабль на сине море,
а самъ взойду на крутой берегъ;
посмотрю я оттуда на сине море.

Мой корабль бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
а гребцы гребутъ какъ крыльёмъ машутъ,
а жена сидитъ какъ боярыня.
Закричу женѣ громкимъ голосомъ:
Не умѣла ты жить за худымъ мужемъ,
поѣзжай ко ты, наживай себѣ,
наживай себѣ мужа добраго!

Изъ 3-го выпуска II-го тома Прибавленій къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

VII.

БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ

ВЪ СУЗУНСКОМЪ ЗАВОДѢ.

1.

Объ Ильѣ Муромцѣ и Борискѣ (Збутѣ).

Что по край было синя̀ моря̀,
на богатырской на за́ставѣ,
стояли тутъ пять бога́тырей:
перво́й — Илья Муромецъ:
второй — Колыванъ сынъ Ивановичъ;
третій — Самсонъ Васильевичъ;
четвертый — Добрыня Никитичъ младъ;
а пятый Алёша Поповичъ.
Не пропускали они ни коннаго,
ни коннаго и ни пѣшаго,
ни царскаго, ни боярскаго;
ни звѣря рыскучаго,
ни птицы летучей.

Младъ ясенъ соколъ летитъ —
— перо выронитъ;
добрый мо́лодецъ бѣжитъ —
— головой вершитъ [1].

На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
на разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
на восходѣ-то солнца яснаго,
отъ сна Илья пробужается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
пошолъ Илья на Днѣпръ рѣку,
на Днѣпръ рѣку умыватися,
а самъ смотритъ во чистѣ полѣ.
Завидѣлъ онъ до́бра мо́лодца,
подъ молодцомъ конь какъ бы лютой звѣрь,
на конѣ молодецъ какъ ясенъ соколъ;
хороша управа [2] молодецкая,
хороши доспѣхи богатырскіе.
По праву руку летитъ ясе́нъ соколъ;
въ рукахъ держитъ мо́лодецъ третра-перо [3],
сквозь пера не видно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.

Приходилъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,
выходилъ Илья середи кругà,
говорилъ онъ таковы слова:
Братцы вы мои, товарищи!
Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?
У кого конь порыскучѣе
бѣжать за удалымъ добрымъ мо́лодцомъ,
распросить его о дѣдинѣ, отчинѣ
и чей [4] такой добрый мо́лодецъ?

Догоняетъ онъ добраго мо́лодца
на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
на восходѣ солнца́ яснаго;
кричитъ Алеша зычнымъ [5] голосомъ:
Ты постой, постой, добрый молодецъ!
Ты или Русской богатырь,
или засельщина-деревеньщина;
ты или коня́ укралъ, или мужика убилъ,
а сюда заѣхалъ — хвастаешь,
чужимъ именемъ называешься?
Тутъ-то Бориску за бѣду стало́,
за великую досаду показалося;
поворачивалъ коня какъ люта́ звѣря́
на встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
беретъ Алешу за бѣлы́ руки́
снимаетъ его съ добра коня.
Вынимаетъ шелепугу [6] подорожную;
стегалъ онъ Алешу Поповича
и садилъ его на добра́ коня.
Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается,
ко сѣдельной лукѣ приклоняется.
Завидѣлъ Алешу Илья Муромецъ:
Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ,
не пей ты зелена вина,
не ѣшь сладки кушанья.
Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
Радъ бы я не пить зелена вина
и не ѣсть сладки кущанья,
напоилъ-то меня добрый молодецъ до́ пьяна,
накормилъ онъ меня до́ сыта

Царь или царевичъ,
король или королевичъ,
или Русской могучій богатырь?
Если Русской богатырь — то побрататься,
а невѣрный — поразвѣдаться.
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ:
Я, братцы, поудалѣе всѣхъ,
у меня конь порыскучѣе.
Побѣжалъ Алеша за добрымъ мо́лодцомъ;
бѣжалъ онъ день до вечера,
темную ночь до бѣла̀ свѣта̀.
той шелепугой подорожною!
Хваталъ тутъ Илья своего коня,
побѣжалъ онъ за добрымъ мо́лодцомъ;
бѣжалъ онъ день до вечера;
нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
на восходѣ солнца яснаго.
Ударились они палицами боевыми;
палицы ихъ разгоралися,
въ рукахъ изломалися.
Скакали они съ добрыхъ коней,
схватывались они за бѣлы̀я рукѝ.
Тутъ-то Бориско на носокъ востёръ [7]
сшиба̀лъ Илью на сыру землю̀
и садился ему на бѣлы̀я грудѝ,
говорилъ Ильѣ таковы слова̀:
Ты, базы́га, базы́га [8] старая!
За чѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?
Беретъ его Илья на бѣлы̀я рукѝ,
стаетъ [9] на рѣзвы̀я ногѝ,

металъ его выше дерева стоячаго,
ниже облака ходячаго;
подхватывалъ его на руки.

Тутъ-то Бориско приужáхнулся;
говорилъ онъ таковы слова:
Ты, охота, охота молодецкая!
полетай ко охота къ моей матушкѣ,
спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?...

Говорила я тебѣ, дитя, наказывала:
Гдѣ ты съ Ильей съѣдешься —
только ты ему низко кланяйся:
по́ роду тебѣ онъ отецъ родной.

(1) *Головой вершитъ*, — жизнь покончитъ; сложитъ голову.—*Вершить*—кончить начатое дѣло, сводить шатромъ или конусомъ стогъ, *зародъ* сѣна. *Пора ужъ стогъ вершить; дѣло завершено.*

(2) Хороша *управа* молодецкая—посадка.

(3) Въ рукахъ держитъ молодецъ *третра-перо*. Подъ двумя послѣдними словами, кажется, разумѣть должно опахало; собственное же значеніе *третра* мнѣ неизвѣстно.

(4) *Чей?* или вѣжливѣе: *чьихъ-вы? чевичъ?* соотвѣтствуетъ вопросамъ: *какъ ты прозываешься? какъ твоя фамилія?* Сибирякъ всегда спрашиваетъ: *Чей ты, онъ? Чьихъ вы, они?*

(5) *Зычный*,—звучный, отъ *зыкъ*—звукъ отъ сильнаго удара. *Зыкнуть въ колоколъ.*

(6) *Шелепуга* или *щелепъ*—широкій толстый ремень, употребляемый вмѣсто плети.

(7) *На носокъ востеръ*, — ловкій, смѣтливый, хитрый, себѣ на умѣ. Поговорка эта происходитъ отъ борьбы *съ носка*, въ которой поединьщики берутъ другъ друга правою рукою за воротъ зипуна или армяка, а носкомъ лѣвой ноги стараются подхватить выставляемую впередъ правую ногу противника, или наоборотъ: носкомъ правой ноги лѣвую. Намъ случалось видѣть, что при этомъ *вострый на носокъ* борецъ перекидывалъ черезъ себя своего поединьщика.

(8) *Базыга*,—хрычъ, глуздырь.

(9) *Станетъ*,—встаетъ.

Редакторъ получилъ эту былину отъ С. Н. *Гуляева* при слѣдующемъ письмѣ:

«Имѣю честь представить вамъ одну былину объ Ильѣ Муромцѣ и Алешѣ Поповичѣ, доставленную изъ Сузунскаго завода учителемъ тамошней горной школы Д. П. Соколовымъ, и нѣсколько пѣсень, присланныхъ изъ Локтевскаго завода братомъ моимъ В. Н. Гуляевымъ. Къ сожалѣнію, былина, списанная со словъ одного старика, Епанешникова, заключаетъ, какъ вы изволите замѣтить сами, пропуски, пополнить которые г. Соколову было невозможно, за неимѣніемъ въ виду другихъ лицъ, знающихъ, подобно Епанешникову, богатырскія былины. Равнымъ образомъ нельзя было г. Соколову сообщить и напѣва, потому что въ Сузунскомъ заводѣ нѣтъ никого, кто бы могъ написать ноты съ голоса.

Сочтя нужнымъ сдѣлать это замѣчаніе, я дополню его тѣмъ еще, что Локтевскій и Сузунскій заводы находятся въ обширномъ Алтайскомъ горномъ округѣ, занимающемъ самую большую часть Томской губерніи. Первоначальное Русское народонаселеніе тамошняго края образовалось, преимущественно, изъ жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерній. Эти выходцы стали переселяться въ южную Сибирь въ началѣ прошлаго столѣтія, привлеченные сколько выгодами жизни, столько же и возможностью отправлять, по правиламъ разныхъ раскольничьихъ сектъ, религіозные обряды въ такъ называемыхъ *пустыняхъ*, устроиваемыхъ въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ, *для спасенья душъ*, нерѣдко и сожигались. Переселяясь туда, они уносили съ собою преданья старины о в. к. Владимірѣ и богатыряхъ его, которыя и передавались изъ рода въ родъ, сохранившись донынѣ, точно также какъ и многіе, забытые уже въ другихъ мѣстахъ, обряды и обычаи, чему много способствовали прежде и способствуютъ въ настоящее время отдаленность этого края, недостатокъ торговыхъ путей, совершенное несуществованіе мануфактурной промышлености и крайняя неохота, кромѣ нѣкоторыхъ весьма ограниченныхъ случаевъ, оставлять родину.

Тамошніе крестьяне, кромѣ исправленія наряда заводскихъ работъ, состоящихъ въ рубкѣ дровъ для приготовленія угля на дѣйствіе плавиленныхъ заводовъ, перевозки его и рудъ въ опредѣленныя мѣста, никуда не ходятъ на заработки; во всѣхъ городахъ, заводахъ и селеніяхъ нѣтъ ни одной харчевни, ни трактира, исключая постоялыхъ дворовъ и то только на дорогахъ изъ г. Колывани въ Томскъ и Барнаулъ, да питейныхъ домовъ. Такимъ образомъ народонаселеніе Алтайскаго горнаго округа, состоящее главнѣйше изъ крестьянъ (до 260.000 д. обоего пола), приписанныхъ къ заводамъ, и мастеровыхъ (до 50.000 д. обоего пола), изъ нихъ же набираемыхъ, пользующееся разными мѣстными угодьями, доставляющими ему все, необходимое для жизни, не знаетъ необходимости, побуждающей крестьянъ Россійскихъ губерній, оставлять родину и, возвращаясь домой, приносить въ свою семью новыя понятія и обычаи. Чуждый этого Алтайскій крестьянинъ, незнакомый съ разными, представляющимися для крестьянъ Россійскихъ губерній развлеченіями въ городахъ и странствованіяхъ для заработокъ, онъ живетъ съ тѣми же, какъ и предки его повѣрьями. Даже обычай, упоминаемый Несторомъ, похищать невѣстъ, тамъ существуетъ и понынѣ, не смотря на принимаемыя противъ этого горнымъ начальствомъ, завѣдывающимъ крестьянами, мѣры. Такія свадьбы называются *бѣглыми*, *воровскими*, почему и говорится: *жениться убѣгомъ*, *украсть дѣвку*. Говоръ народа есть тотъ же, что́ и въ сѣверовосточныхъ областяхъ Европ. Россіи, грубый для непривыкшаго къ нему уха — по выбрасыванію изъ окончательнаго слога глаголовъ во второмъ и третьемъ лицѣ единственнаго числа и въ первомъ множественнаго настоящаго времени, буквы *е* на пр. вмѣсто: зна-*е*-шь, зна-*е*-тъ, зна-*е*-мъ — *зна'шь*, *зна'тъ*, *зна'мъ*, — по буквѣ *о*, вездѣ удерживающей присвоенный ей звукъ, — наконецъ по самой интонаціи, похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ. Употребленіе вмѣсто *о* буквы *а*, тамъ называется *рѣчью свысока́*. Говоръ *свысока́* замѣчается только въ городѣ Кузнецкѣ и на Иртышѣ въ округѣ Устькаменогорскомъ между такъ на-

зываемыми Поляками, потомками переведенныхъ во время Императрицы Екатерины Великой изъ Вѣтковской пустыни раскольниковъ; въ другихъ мѣстахъ рѣдко. Говоръ жителей Кузнецка и Поляковъ какъ-то вялъ и протяженъ, особенно въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ находится буква *а* или замѣняется ею *о*; между тѣмъ какъ говоръ всего прочаго народонаселенія скорый и отрывистый.

Представляемая былина, сколько можно судить по содержанію ея, есть та же самая, которая напечатана въ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ» подъ заглавіемъ: «Илья ѣздилъ съ Добрынею» (стр. 360—366; № XLII). Бориско, о которомъ говорится въ былинѣ Епанешникова, есть Збутъ Борисъ Королевичъ Кирши Данилова.»

Разночтенія двухъ списковъ этой былины позволяютъ надѣяться и на другіе списки, столько же отличные; а этого желать можно тѣмъ болѣе, что былина эта очень замѣчательна по древности преданія, въ ней сохраненнаго: бой Ильи со Збутомъ Борискомъ—тотъ же, что между Рустемомъ и Зорабомъ, Гадубрандомъ и Гильтибрандомъ, Клисаморомъ и Картономъ, Ринальдомъ и Гвидомъ, и т. д.; преданіе объ этомъ боѣ или по крайней мѣрѣ тема его есть общее достояніе многихъ Индо-Европейскихъ народовъ.

Позже доставлены мнѣ С. Н. Гуляевымъ еще слѣдующія былины, записанныя тѣмъ же г. Соколовымъ со словъ того же Епанечникова:

2.

Про Дуная Ивановича и жену его.

У ласкова князя Володиміра
было пированье — почетный пиръ,
было столованье — почетный столъ
на всѣ князи и бóяре
и сильные могучіе богáтыри.

Будетъ день въ половину дня,
будетъ столъ во полу̀ столѣ;
бога́тыри прирасхвасталисъ
молодецкою у́далью:
Алешинька Поповичъ—что бороться гораздъ,
а Добрыня Никитьевичъ — гораздѣ его,
а Дунай сынъ Ивановичъ — изъ лука стрѣлять
по той, было, мѣточкѣ — въ золо́тъ перстень,
что во ту, было, ставочку муравлену.
Говорила тутъ Дуная жена,
что по имени Дарья Бродо́вишна:
Ахъ ты, гой еси, Дунай сынъ Ивановичъ!
А и я тебя не хуже стрѣлять
по той мѣточкѣ — въ золо́тъ перстень,
въ ту ставочку муравленую.
Тутъ-то Дунаю за бѣду стало!
за великую обиду показалося.
Говорилъ онъ своей молодой женѣ:
Ты, гой еси, Дарья Бродовишна!
пойдемъ-ко мы на горы высокія,
на тѣ, было, шеломы ока́тистые; (1)
станемъ съ тобой изъ туга лука стрѣлять,
по той мѣточкѣ—въ золо́тъ перстень,
въ ту ставочку муравлену.
Тутъ-то его молодая жена
сдогадалася, спохваталася:
Ахъ ты, Дунай, сынъ Ивановичъ!
Ты прости меня, глупу женщину,
что тебя при бесѣдѣ избезчестила,
у меня есть въ утробѣ чадо милое,

чадо милое любимое:
по колѣнъ у чада ноги въ золотѣ,
по локо́ть у чада руки въ се́ребрѣ,
во лбу у чада солнце красное,
на затылкѣ свѣтёлъ мѣся́цъ,
по коси́цамъ [2] часты звѣзды.
Тому-то Дунай не увѣровалъ;
бралъ онъ жену за бѣлы руки,
за бѣлы руки, за златы перстни;
повелъ ее на горы высоки́я,
на тѣ, было, шеломы окатисты;
становилъ Дунай молоду жену;
отскакивалъ на версту пятисотную;
стрѣлялъ Дунай изъ туга́ лука́:
перво́й разъ стрѣлилъ, не до́стрѣлилъ,
второй разъ стрѣлилъ, пере́стрѣлилъ,
въ третій разъ попалъ въ молоду жену,
угодилъ по рѣтиву́ сердцу́,
и убилъ Дунай молоду жену.
Подскакивалъ къ своей молодой женѣ,
выдергивалъ чинжалище булатное;
споролъ у ней бѣлу́ю грудь.
Посмотрѣлъ — въ утробѣ чадо милое:
по колѣнъ бы у чада ноги въ золотѣ,
по локо́ть у чада руки въ се́ребрѣ,
во лбу у чада солнце красное,
на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ,
по косицамъ часты звѣзды.
Тутъ ему за бѣду стало,
за великую досаду показалось.

Становилъ кинжалъ тупымъ концомъ,
становилъ въ сыру̀ землю̀
и падалъ на кинжалъ рѣтивы́мъ сердцо́мъ.
Отъ той-ли крови отъ горячія
протекала матушка Дунай-рѣка.

3.

Про Алешу Поповича и сестру его.

Какъ изда́лече, изъ чиста́ поля̀
выѣзжали два русскіе богатыря:
одинъ богатырь — Илья Муромецъ,
другой-то Алёша Поповичъ младъ.
Пріѣзжали они ко синю̀ морю̀,
на тихія морскія заводи.
Не случилось тутъ ни сѣра̀ гуся̀,
ни сѣра̀ гуся̀, ни бѣлаго лебедя,
ни малы̀й пташки — сѣрой уточки.
Не на чемъ имъ сердце приутѣшити,
могучія плечи прирасправити.
Побѣжалъ тутъ Алеша чрезъ широку степь,
середи той широко́й степѝ
стоялъ сы́рой дубъ-креко́вистый.
На томъ дубу, на креко́вистомъ,
тутъ сидѣла птица вѣщая,
птица вѣщая — черёнъ воро̀нъ.
Онъ съ крыла на крыло перелетываетъ,
съ ноги на ногу воронъ переступываетъ.
Тутъ Алёша удивляется,
удивляется, разсержается.
Соскакиваетъ со добра́ коня,

снимаетъ лукъ съ могучихъ плечъ,
беретъ изъ колчана калену̀ стрѣлу̀,
кладетъ стрѣлу̀ на тетивочку,
хочетъ птицу вѣщую подстрѣлити,
могучія плечи порасправити,
богатырское сердце приутѣшити.
Проговариваетъ птица черёнъ-ворóнъ:
Ты, гой-еси, Алеша Поповичъ младъ!
Тебѣ на мнѣ сердце не утѣшити,
могучія плечи не расправити!
Побѣгай-ко, Алеша, чрезъ эту степь,
черезъ эту степь Саратовскую,
что ко той рѣчкѣ ко Саратовкѣ,
ко тому камню бѣлъ-горючему,
къ тому кусту ко ракитову.
Тутъ сидятъ-то два Татарина,
два Татарина некрещеные;
полонили они красну дѣ́вицу
красну дѣвицу — душу Русскую,
и одинъ Татаринъ уговарива́тъ:
Ты, по Русскому красна дѣвица,
а по нашему будь голчаночка. (?)
А другой молвитъ: Увеземъ тебя,
увеземъ тебя красна дѣ́вица,
увеземъ тебя къ себѣ въ орду;
отдадимъ тебя за Татарина,
за Татарина, за дороднаго,
за хорошаго — въ косу̀ сажень. (3)
Мы всѣ ему покоряемся,
покоряемся и поклоняемся.

Тутъ Алеша Поповичъ младъ
надѣвалъ тугой лукъ на могучи плечи,
клалъ стрѣлу во колчаночку,
заскакивалъ Алеша на добра̀ коня,
бѣжалъ онъ чрезъ широку степь,
чрезъ широку степь Саратовску,
ко той, было, рѣчкѣ ко Саратовкѣ,
къ тому камню бѣлъ-горючему,
къ тому кусту ко ракитову.
Одного Татарина конемъ стопталъ,
другаго Татарина мечомъ зарубилъ.
Соскакивалъ Алеша съ добра̀ коня,
падалъ коню въ правỳ ногỳ:
Спасибо тебѣ, батюшко, добрый конь!
получилъ я себѣ обру́чницу,
обру́чницу, подвѣнечницу!
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
садилъ дѣвицу на тучны̀ бедры̀.
Говорилъ тутъ дѣ́вицѣ Алеша Поповичъ младъ:
Какого ты, дѣвица, роду, племени?
царскаго, али боярскаго?
княженецкаго, али купецкаго?
али послѣдняго роду, крестьянскаго?
Отвѣчала Алёшѣ красна дѣвица:
Не царскаго я роду, ни боярскаго,
не княженецкаго, ни купецкаго;
не купецкаго, ни крестьянскаго,
а того-ли батюшка попа Ростовскаго.
Соскакивалъ Алёша съ добра коня,
падалъ коню во праву ногу:

Спасибо тебѣ, батюшко, добрый конь,
я думалъ получить себѣ обру́чницу,
обру́чницу, подвѣнечницу,
а выручилъ ро́дну се́стрицу.
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
побѣжалъ онъ къ своёму батюшкѣ,
что къ тому-ли попу Ростовскому.

(1) *Шело́мы окатистые,*—холмы, пригорки пологіе, необрывистые, куполообразные.

(2) *Коси́цы,* — виски.

(3) *Косая сажень* — мѣра отъ носка́ отставленной правой ноги до конца средняго пальца протянутой по одной линіи съ ногою лѣвой руки или наоборотъ.

VIII.

ПѢСНИ,

сообщенныя

ИЗЪ ЛОКТЕВСКАГО ЗАВОДА

С. Н. Гуляевымъ.

1.

Что не ржавчинка во болотичкѣ
заражда́лась,
не кручинушка до̀бра мо́лодца
издоля́ла: (1)
Издоля́етъ-то до́бра мо́лодца
ху́да слава;
съ худой славы добрый мо́лодецъ
погиба́етъ.
Не ясенъ-то соколъ по воздуху
лета́етъ,
на сизу́ю-то онъ голубушку
шука́етъ:
добрый мо́лодецъ по улицамъ
гуля́етъ,

онъ изыскива́тъ хи́тра-мудраго
человѣка.
Во правой рукѣ носитъ молодецъ
саблю остру,
во лѣво́й рукѣ держитъ мо́лодецъ
шолковъ поводъ;
за собо́й ведетъ добрый мо́лодецъ
ко́ня воронова.
Кто-бы, кто-бы изъ острой сабли
ржавецъ вытеръ?
Кто-бы, кто-бы изъ добра коня
норовъ вывелъ?
Кто-бы, кто-бы у добра мо́лодца
печаль вызналъ?
Кто-бы, кто-бы распоролъ мои
бѣлы груди?
Кто-бы, кто-бы посмотрѣлъ мое
ретиво́е сердце?
Безъ огня-то мое сердечушко
изгорѣло!
Что безъ пламени ретиво́е
изотлѣло!
Ужъ какъ съѣлся я добрый молодецъ
погубился:
что задумалъ я, добрый молодецъ,
пожениться,
не на душечкѣ, на ягодкѣ
на дѣвицѣ,
а на горькой-то на злосчастной
на вдовицѣ.

Что у вдовушки-то обычай
не дѣвичій:
что постелюшку-то стелетъ
все вздыхаетъ;
что подушечки кладетъ
сама рыдаетъ;
одѣялечко постилаетъ
слезно плачетъ,
своего-то прѣжня мужа
вспоминаетъ.

2.

Дорогой ты, мой камешокъ, возлюбленной!
залежался ты, мой камень, на крутой горѣ;
на крутой-то горѣ, на сырой землѣ.
Не въ атласѣ лежишь ты и не въ бархатѣ,
и не въ той-то лежишь дорогой камкѣ!
Ты лежишь, камень, противъ солнышка,
противъ солнышка, противъ краснаго,
противъ батюшки свѣтла мѣсяца.

Ты, рябина моя, рябинушка,
кудреватая, листоватая!
Ты когда взошла, когда выросла,
ты когда цвѣла, когда вызрѣла!
— Что весной взошла, лѣтомъ выросла,
по зарямъ цвѣла, въ полдни вызрѣла.

Ты, дѣтинушка, сиротинушка!
безпріютная твоя головушка!
на чужой живешь, ты, сторонушкѣ!
ишшо кто-тебя, друга, спóродилъ?

ишшо кто-то тебя вспоилъ, вскормилъ?
— Породила-то меня ро́дна матушка,
воспоилъ-то вскормилъ сударь батюшко,
возлелѣяли ро́дны бра́телки,
завивали кудри ро́дны се́стрицы,
научила меня чу́жа сто́рона,
чу́жа сто́рона — служба царская,
служба царская — Государева!

3.

Заходился я, добрый молодецъ,
загулялся;
пришатился [3] я, добрый молодецъ,
къ Дону тихому.
Я выспрашивалъ на тихо́мъ Дону
перевощиковъ:
Перевезите вы добра мо́лодца
на ту сторону.
Захотѣлось мнѣ, до́бру мо́лодцу,
въ свою сторону:
съ отцомъ матерью добру молодцу
повидатися;
малымъ дѣточкамъ — сиротиночкамъ
благословенье дать;
молодой-то женѣ — голубушкѣ
свою волюшку:
Хоть за мужъ поди, хоть вдовой живи.
Заболѣлъ-то я, добрый молодецъ,
прискуда́лося [4];
что болитъ-то у до́бра мо̀лодца
рѣтивò сердцѣ;

что приходитъ-то мнѣ мо́лодцу
скóра смéрточка!
Ишшо тутъ-то я, добрый молодецъ
сталъ наказывать:
Схороните вы меня молодца
между трехъ дорогъ:
Петербургскою, Московскою,
славной Кіевской;
въ головахъ-то вы мнѣ поставьте
золотъ чуденъ крестъ,
а въ ногахъ-то вы поставьте
зелену́ сосну́.

4.

Какъ изда́леча дале́ча
изъ чиста̀ поля̀,
изъ того было раздольица
широкаго,
что не грозная бы туча
накаталася,
что не буйные бы вѣтры
подымалися.
Напередъ-то выбѣгаетъ
Лютой скименъ-звѣрь;
какъ на скименѣ-то шерсточка
булатная,
напередъ-то его шерсточка
спрокинулась.
Добѣгаетъ воръ собака
до быстрой рѣки;

становился воръ-собака
на заднѝ лапы̀;
закричалъ онъ, воръ собака,
по звѣриному;
засвисталъ онъ, воръ собака,
по соло́вьему;
зашипѣлъ онъ воръ собака,
по змѣиному.
Отъ его было отъ крику
отъ звѣринаго,
что быстрая рѣка-мать
взволновалася;
отъ его было отъ свисту
отъ соловьяго,
что темны лѣса къ сырой землѣ
клонилися;
отъ его было шипѣнья
отъ змѣинаго,
зелена̀ трава въ чистомъ полѣ
повянула.

(1) *Издолять*, одолѣвать, осиливать.

(2) *Сыылся*,—исхудалъ, изчахъ, разстроился.

(3) *Пришатиться*,—остановиться у чего нибудь, пристать, пріютиться. *Чья-то лошадь къ табуну пришатилась.*

(4) *Скудаться*,—жить скудно, нуждаться въ необходимомъ: прихварывать, чувствовать разстройство здоровья: *сосѣдка все скудается; онъ здоровьемъ скудаться сталъ. Прискудалось* собственно значитъ: прихворнулось; но употребляется только при выраженіи разстройства здоровья отъ нравственнаго страданья.

Изъ 8-го выпуска II-го тома Прибавленій къ Извѣстіямъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

IX.

ЗАКАМСКІЯ

ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ.

Доставлены *П. А. Пафнутьевымъ.*

1.

Была у батюшки родимая дочь,
у неродной мачехи постыло дитя.
Не знала мачеха какъ пачерь избыть;
избыла пачерь единымъ часомъ.
Снарядила мачеха махонькой стружокъ,
привязала стружокъ у крутъ бережокъ,
у крутъ бережокъ, у бѣлъ камышокъ;
повязала, не вязала, не прикрѣпливала.
Пошла пачерька къ берегу гулять,
увидала пачерька махонькой стружокъ;
задумала пачерька въ стружкѣ погулять,

гуляючи-ючи рыбочьку ловить.
«Ловись рыбка малая большая;
не рвись, тянись, сѣтка шелковая.»
Не рвалась, тянулась сѣтка шелковая,
выплывала сѣтка въ широ море.
Вышла мачеха на крутъ бережокъ,
вскрикнула мачеха зычнымъ голоскомъ:
«Воротись, дитятко, у крутъ бережокъ,
воротись, милое, хоть проститися.»
Рада бъ воротиться, стружокъ не стоитъ,
сѣтка шелковая въ море тащитъ;
утянула пачерьку въ синё морё.
Какъ не всплачется злая мачеха,
возрыдаетъ природный отецъ:
«Воротись, дитя милоё, хоть проститися,
старику отцу очи закрыть!»
Не слыхалъ батюшка, какъ дочь плакала,
вѣтеръ вылъ, рѣчи уносилъ:
«Ты не жди меня, родной батюшка,
подождетъ меня злая мачеха —
не гостьею, кукушечкой въ садъ.
Какъ разъ закую, траву высушу,
другой закую, весь садъ погублю,
въ третій закую, душу зановлю.
По сѣничкамъ мачеха похаживае,
своихъ невѣстушекъ побуживае:
«Станьте, дѣтушки, станьте ластушки;
ранымъ съ израни кукушица закукала.
Старшой братъ говоритъ: «набъ убить ю;
середній братъ говоритъ: «прочь отгонить ю;

а меньшой братъ говоритъ: «постой, погоди!
не наша ль кукушица съ чюжой стороны,
не наша ль сестрица изъ-за моря.

2.

Загоралась въ чистомъ полѣ ковыль трава,
добиралась до бѣлова каменя.
На камнѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
подпалилъ онъ свои крылушки,
обожгъ свои скорыи ножушки.
Прилетали къ соколу стадо вороновъ,
садились вороны вокругъ нево,
въ глаза ясну соколу насмѣхалися.
Называли они сокола вороною:
Ты ворона, ворона подгуменная!
Тутъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
отрощу я свои крылья быстрыи,
оживлю я свои ноги скорыи;
я взовьюся младъ ясенъ соколъ выше облака,
опущуся въ ваше стадо быстрѣй стрѣлы,
перебью васъ, чорныхъ вороновъ, до единово.

Изъ 9-го выпуска II-го тома Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

X.

ОБРАЗЦЫ

ВЫТЕГОРСКАГО ГОВОРА.

(олонецкой губернии).

Доставлены *И. И. Лабардинымъ.*

1.

СКАЗКА.

(Поётся томно-протяжно).

Бы́ло у цецо́тоцки де́вять сыновей,
де́вять сыновёй, еди́ная доцъ.
Вси девя́ть сыно́въ во разбо́й пошли́,
деся́тую доцъ замужъ вы́дали
Вы́дали заму́жъ за моряни́нушка,
въ да́льню сто́рону за си́ни мо́рюшки.
Вотъ при́жили јоны́ сы́на моря́нцика,
Одного́ сы́на моря́нцика прекра́сного.
На тре́тьей годъ Наста́сья зва́ла въ го́сти моряни́нушка,
јона́ зва́ла, позыва́ла, ста́ла пла́катце:
Ты пойде́мъ-ко, моряни́нушко, на мою́ сто́рону,

на роди́мую сторо́нку къ о́тци-ба́тюшку;
ушъ ты хоть ко тестю́, а я ко ро́днушки,
ушъ ты хоть ко тещы́, а я ко ма́тышки,
а нашъ моря́нцикъ къ ро́дной ба́бушки,
ушъ ты ко шурья́мъ, а я вить ко братця́мъ,
моря́нцикъ нашъ къ ро́днымъ дя́дюшкамъ,
ушъ ты къ цюжы́мъ, я къ порядо́вымъ сосѣ́душкамъ.
Собрали́сь јоны да и поѣ́хали.
Вотъ ушъ день јоны́ ѣ́ду́тъ, да и друго́й ѣ́ду́тъ;
вотъ распало́жились јоны́ на чисто́мъ поли́
въ третьей день хлѣба́-соли́ поку́шати.
Вотъ напали́ на нихъ разбойницки,
злы-лихи́ подоро́жницки;
убили́ јоны́ моряни́нушка,
а моря́нцика въ во́ду бро́сили,
са́му мо́лоду во поло́нъ взяли́.
Ушъ какъ вси тутъ разбо́йницки спать легли́,
а оди́нъ мо́лоду сталъ выспра́шывать,
сталъ выспра́шывати, сталъ вывѣ́дывати:
«Ты скажы́, скажы́, полонёноцка,
ты коёй земли́, ты коёй ярды́,
коёго отця́, коёй ма́тери?»
Улила́сь јона слеза́мъ горю́цима,
и стала́ сама́ выска́зывати:
Насъ было у цепо́тоцки де́сятеро;
де́вять сыновёй вси въ разбо́й пошли́,
а деся́тую миня́ за́мужъ вы́дали,
вы́дали миня́ за си́нiи моря́,
во цю́жую землю́, во цю́жую ярлу́ за моряни́нушка;
черезъ два годы́ прижыли́ сиби́ моря́нцика,

сы́на люби́мого, дыи прекра́сного.
Вотъ на тре́тьей годъ мы пое́хали
къ о́тцю-ба́тюшку, къ ро́дной-ма́тышки,
ко бра́тьицямъ роднымъ, да къ порядо́вымъ сосе́душкамъ.
Какъ распла́цетця тутъ разбо́йницокъ
и јонъ сталъ буди́ть ро́дныхъ бра́тьицовъ,
ушъ какъ встаньте́-тко, встрепени́тси бра́тцы ро́дные,
ушъ какъ што вить мы понадѣ́лали,
морянни́нушка-зятя́ уби́ли вить,
а племя́нницка-моря́нцика въ воду бро́сили,
сестру́ ро́дную во поло́нъ взяли́».
Со́ сну ста́ли вси, да и распла́калисе,
у сестры́ своей стали проща́тисе:
Ты прости́, прости́, сестра́ люби́мая,
ушъ пойде́мъ съ намы́ во свою́ землю, во свою ярду́,
къ отцю́ къ ма́тышки, дан къ сосе́душкамъ порядо́вымъ.*)

2.

ЗАГАДКИ.

Не плить плетена́, да не вверхъ ведина́, да не узлы знать, да не розвяжешъ.—Книга переплетается не такъ какъ плеть.

Цего не́льзи о у́голъ поста́вить? — Дороги.

Ма́линькой горба́тинькой—все по́ле проскакалъ.—Серпъ.

Цего не́льзя запере́ть въ сундукъ. — Солнца.

---

*) Г. *Лабардинъ* доставилъ подъ видомъ сказки еще и ту пѣсню, которая была помѣщена на стр. 89 подъ видомъ хороводной пѣсни: отличаясь отъ напечатаннаго списка особенностями произношенія, въ содержаніи она не представляетъ ничего новаго. *Ред.*

Стои́тъ столбо́мъ, горитъ огнёмъ: ни пе́ру, ни жа́ру, ни уголья. — Горящая свѣча.

Тридцать гусей, пятьдесятъ лебедей, одинъ гоголекъ да и всихъ перемокъ. — Великій праздникъ.

Б.

РАЗГОВОРЪ

между нищимъ дере́венскимъ старикомъ и горожанино́мъ.

Отку́ды, дѣтъ, иде́шь?—Зъ го́рода, корми́лечъ, зъ го́рода!—А кака́я нелёккая тибя занесла́ въ таку́ю даль?—Охъ, родимой, нужда́ заста́витъ хоть въ Москву́ итти́: jона и старика дѣлае молодымъ! — А што у тя́ была́ така́я за ну́жда въ го́роди?—Да другой-то ну́жды не бы́ло, окро́ми што Христовымъ именемъ побира́лся, кормилечъ! — Куды́ же тепе́речю, старина́, путь де́ржышъ? — Бреду́, роди́мой, домо́й! — А гди́ твой, дѣдушко, домъ?—Домъ, мой ми́лостивечъ, тамъ, гди у за́ичя ломъ! — А што, дѣдушка, у тя въ этихъ мѣшо́цкахъ? — Въ одномъ мѣшо́цкѣ, милостивечъ, хлѣ́бныи кусо́цки, а въ дру́гомъ толоко́нчо. Хъ кому пристану на ноцле́къ, вы́прошу ри́пничи, сдѣлаю тапу́шоцку, наворзыха́юсь, да и сытъ не на одинъ день!

4.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

А бы́тто каки́ клю́жы люди та́мот-ка были: все колъ да перетыка́, люди все горемы́ка. Говорятъ съ насмѣшкою, характеризуя гостей, которыхъ гдѣ нибудь видѣли въ домѣ. Подъ словомъ клюжи разумѣются люди бѣд-

наго состоянія, грязные, оборванные; въ отношеніи нравственномъ: моты. плуты, пьяницы.

Бы́ла бъ коро́вушка съ ко́шоцку, да дойна бъ съ ло́жоцку: лу́чши кумина́ данья́, да и ма́терина. Въ семействѣ необходимо имѣть корову, хотя и не очень хорошей породы.

Быль моло́дцу не уко́ра. Говорятъ въ оправданіе противъ насмѣшекъ.

Вася косе́й не ходи на лосе́й, поди по жонкей, не дороженкей. Такъ маленькія дѣти передразниваютъ какого нибудь большаго мальчика, не очень хорошаго наружностію; взрослые говорятъ, когда бранятъ кого нибудь.

Вотъ житье́—что сталъ, то за вытье́. Говорятъ работники въ похвалу тѣхъ хозяевъ, которые кормятъ хорошо. Подъ словомъ вытье разумѣется пища.

Во вся́кой избушки свои́ поспору́шки.—Вся́ изба́ своимъ потоло́комъ кры́та. Говорятъ серьезно противъ тѣхъ на которые любятъ разсуждать о чужихъ домашнихъ ссорахъ.

Въ цемъ въ торгъ по мы́ло, въ томъ и въ лѣсъ по лы́ко. Говорятъ насмѣшливо о тѣхъ, которые, не разбирая времени и мѣста, ходятъ въ одномъ и томъ же платьѣ.

Ворогу́ша ве́шня. Слово ругательное. Подъ словомъ ворогуша разумѣется ворожея, колдунья; вешня — весенняя, иногда этимъ словомъ означается весенняя лихорадка.

Гди кому сяжно взяти, јонъ ту́това и во́зьми. Гдѣ кому любо жениться, тотъ тамъ и женится. Подъ словомъ сяжно разумѣется пріятно, любо; иногда близко; тутова, тутъ, тамъ. Это говорится о мужчинахъ, которые женятся на избранной ими невѣстѣ.

Гди го́ре заста́ло, горіеи ёго какъ попа́ло. Такъ утѣшаютъ несчастливцевъ.

Гости пирожны, да цесь подоро́жна. Говорятъ въ извиненіе передъ хорошими гостями, что ихъ подчивать не чѣмъ.

Дивья́ теби́, дѣва, жить на сёмъ сви́ти; у тя все полно, да довольно: одна рука въ меду́, дру́га въ па́токи. Говорятъ о довольствѣ богатыхъ. Дивья — хорошо; у тя все полно — у тебя всего полно и довольно.

Доброму гля добра́, а худому гля ху́да. Говорятъ въ убѣжденіе того лица, который можетъ оказать помощь, совѣтомъ или деньгами, иногда помиловать или наказать виновнаго. Гля — для.

Дѣла не разыщешь, а хлы́щешь. Говорятъ шуточно тому, кто, отыскивая какую нибудь вещь, не можетъ найти, сердится на другихъ, будто бы они причиною того, что онъ не можетъ отыскать ее.

Его́рей съ водой, а Мико́ла съ травой; по замѣчанію крестьянъ на день Георгія (23 Апрѣля) разливаются воды, а на день Николая Чудотворца (9 Мая) выростаетъ трава.

Его́ръ подъ задо́ръ, — сто рублей на столъ. Говорятъ о томъ человѣкѣ, котораго, если подстрекнутъ чѣмъ нибудь, то онъ не пожалѣетъ и ста рублей.

Знаёшь добро, такъ половина гра́моты. Говорятъ въ похвалу грамотныхъ.

Знае́ јонъ выпречьчи, впре́кчи, да и на уха́би зберекчи. Говорятъ о ловкомъ и проворномъ человѣкѣ.

За тала́номъ да за у́часью, соколо́мъ не налита́тися, а отъ горя да отъ бѣдности и на добро́мъ кони́ не уѣхати. Говорятъ въ утѣшеніе бѣдняковъ.

Зять милъ по доце́ри, а сынъ постылъ по невѣ́стки. Поговорка эта выражаетъ причину любви матери къ зятю и нелюбви къ сыну. Къ этой поговоркѣ можно отнести слѣдующую побасенку, разсказываемую простолюдинами: «Одна́ ма́ти посадила двухъ сыновей: роднаго и зятя бли«новъ ись кушать. Зятю и говоритъ: ты, дитятко, маци́ «да волоци; а родному сыну говоритъ: ты, дитятко, маци «да и окола́цивай».

Слово мати вмѣсто мать, матерь; ись вмѣсто ѣсть, кушать; дитятко: ласкательное вмѣсто дитя. Блины въ Олонецкой губерніи пекутъ изъ овсяной муки, больше осенью послѣ уборки хлѣба и зимою; блины горячіе ѣдятъ съ масломъ коровьимъ и сметаною; въ постные дни съ брусникою и рыжиками, которые подправлены бываютъ лукомъ и чеснокомъ. Блины въ крестьянскомъ быту составляютъ лакомый завтракъ. Хозяйка, чтобы угодить большаку или поподчивать гостя, непремѣнно утромъ предложитъ блины на завтракъ, а дѣтей укладывая спать утѣшаетъ ихъ, что она завтра имъ «напекетъ блиновъ».

Кинь хлѣбъ на́ лѣсъ, наза́дъ пойде́шь, на́йдешь. Говорятъ въ наставленіе, что хлѣбосольство не пропадаетъ.

Конь о цетырехъ нога́хъ, да и то́ спотыкается. Говорятъ въ извиненіе сдѣланныхъ какихъ нибудь проступковъ.

Котъ да ла́поть, обутки на годъ. Бѣднякъ не заботится о сапогахъ, а были бы коты да лапти. Подъ словомъ котъ

разумѣется нижняя часть сапога, безъ голенища; лапти плетутся изъ бересты.

Какъ въ лѣсѣ крыкнетця, такъ и отъ лѣсу отзыкнетця. Говорятъ въ наставленіе, что отъ добрыхъ дѣлъ бываютъ послѣдствія добрыя, отъ худыхъ худыя.

Коли нѣту талáну, такъ не прешить къ сарафáну. Говорятъ о томъ бѣднякѣ, который съ утра до вечера трудится, и не имѣетъ ни въ чемъ успѣха. Таланъ счастіе, состоящее въ богатствѣ или въ прибыли отъ чего нибудь, или въ пріобрѣтеніи чего нибудь какими бы то ни было средствами.

Какáя жáба теби, братъ, попалася. Такъ говорятъ о сварливой женѣ.

Куроцка съ хохлóмъ — всякому поклóнъ. Говорятъ о ласково-вѣжливомъ человѣкѣ.

Куроцка по зéрнушку клюéе, да бывáе сыта.

Кому на комъ женитца, тотъ въ того родитца.

Лáдно, полно тутова-то тебѣ лясы-то госуть. Такъ говорятъ въ запрещеніе тому, кто болтаетъ всякой вздоръ.

Ласково телятко дви мáтки сосе, а худо да лихо и одну потеряе. Говорятъ въ наставленіе упрямыхъ и въ похвалу ласковыхъ.

Линь потягóта, поди на болото, выруби дубину на того-то спину. Это четверостошіе приговариваютъ шуточно тѣмъ дѣтямъ, которые послѣ сна долго протягиваются на постели, ударяя притомъ слегка розгою; иногда оно относится ко всѣмъ лѣнивымъ и неповоротливымъ людямъ.

Лѣсова́ ты сила, лѣсова́ половина. Слова бранныя.

Ме́ньши конь, ме́ньши возъ. Чѣмъ ниже должность, тѣмъ меньше и взысканья и отвѣтственности.

Мно́го коётной, да нѣтъ поворо́тной. Такъ говорятъ молодые, спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы въ укоръ себѣ, что ошиблись въ своихъ предположеніяхъ, о которыхъ думали до брака. Вообще эта погорка употребляется и послѣ всѣхъ неудачно конченныхъ предпріятій.

Не будь го́стю запа́сливъ, а будь гостя ра́дъ. Говорятъ тому, кто извиняется, что онъ не можетъ въ настоящее время хорошо угостить нечаянно посѣтившихъ его гостей.

Не гля ра́ди объѣда́нья, а гля ра́ди повида́нья. Говорятъ въ извиненіе, что напрасно хлопочутъ объ угощеніи. Объѣданье — вм. обѣдъ, вообще угощеніе; повиданье — свиданіе.

На слова́хъ мёдъ, а на се́рдцѣ лёдъ. Говорятъ о тѣхъ, которые словами говорятъ одно, а на сердцѣ думаютъ другое; вообще о людяхъ неоткровенныхъ, хитрыхъ и пронырливыхъ.

Не много гось гоститъ, да много видитъ. Говорятъ въ наставленіе домашнихъ, чтобы они были осторожнѣе при гостяхъ.

Не здержа́ть платна́ безъ пятна́, а лица безъ со́рому. Въ жизни съ человѣкомъ можетъ случиться какъ пріятное, такъ и непріятное. Соромъ — стыдъ.

Не одна у меня ужына спрокужена, и не одинъ обѣдъ на писняхъ пропе́тъ. Такъ говорятъ бѣдняки, не имѣющіе очень часто ни ужина, ни обѣда.

Не суйсе перокъ перогóмъ, хлѣбъ тебя лутчи. Говорятъ шуточно о пирогахъ худо состряпаныхъ.

Не рáдуйся находки, не плацъ потеряшки. Въ счастіи не гордись, а въ несчастіи не унывай.

Ни однá куделя въ прялицы, а óспица на рукáхъ. Говорятъ о невозможности исправить всѣ дѣла по хозяйству.

Ну ужь этого бъ целовѣка зашилъ въ куль, да бросилъ въ воду, и пусь бы сидѣлъ до новаго году. Говорятъ съ неудовольствіемъ о людяхъ, имѣющихъ безпокойный и сварливый характеръ.

Обѣдъ невóльной цѣловѣкъ, а ужина горюша всевды въ вечеру. Говорятъ шуточно за обѣдомъ или за ужиномъ.

Пекло́ бъ крáсно сóлнышко, а цястыи звѣзды коломъ перетью. Такъ говорятъ молодыя женщины, живущія въ большомъ семействѣ: любилъ бы меня мужъ, да свекрова, а золовокъ съ деверьями знать не хочу.

Погода на Повянци, а мы давно на пеци. Говорятъ старики и старухи передъ погодою. Повянецъ — уѣздный городъ Олонецкой губ.

Посади эту синицу хоть въ мáсляну криницю, все буде синица. Говорятъ о тѣхъ, которые при всемъ довольствѣ и нѣгѣ не полнѣютъ; иногда — о недовольныхъ своимъ благополучіемъ.

Прядея́ Нинилá три года плáтья не мыла.

Радъ дурáкъ, што порóкъ великъ, а не знáе дурáкъ цимъ набить. Говорятъ о тѣхъ, которые прельщаются количествомъ, а не заботятся о качествѣ.

Рабóтники у насъ, сестрича, живутъ по́ пять, по́ шесь годъ.

Сиди у мо́ря, да жди погоды. Надобно быть терпѣливымъ.

Сёдни куре́нь да варе́нь, а за́втра Божій день. Сегодня много, а завтра ничего. Говорятъ о тѣхъ, которые пріобрѣтенное имъ съ большимъ трудомъ, проматываютъ въ одинъ день и потомъ сидятъ безъ куска хлѣба.

Слѣпа́ нога́ топче́. Надобно заботиться не о красотѣ обуви, а о прочности.

Старъ селезе́нь, да уха сладка́. Говорятъ старики и старухи въ свое оправданіе, когда ими пренебрегаютъ.

Ста́рой да ма́лой лютъ не удалой. Говорятъ старые люди, чувствуя перемѣну погоды; старые да малые равны по силамъ.

Суже́ной уро́тъ, буде и у нашихъ воро́тъ. Говорятъ дѣвушки въ свое утѣшеніе, когда не ихъ сватаютъ, а другихъ сосѣдокъ.

Съ о́сени кисе́ль да блины, а по́дъ ве́сну сиди да́ гляди. Говорятъ относительно тѣхъ, которые съ осени живутъ безъ расчета, а потомъ весною во всемъ нуждаются.

Тоской моря не перейдешь. Говорятъ въ утѣшеніе того, кто находится въ непріятныхъ обстоятельствахъ и тоскуетъ объ этомъ.

Тюкъ, тюкъ, да и всё съ рукъ. Говорятъ съ насмѣшкою о тѣхъ, которые суетятся въ дѣлахъ безъ толку.

Ты, братъ, люде́й на люде́й не миняй. Говорятъ въ наставленіе тому, кто не уважаетъ людямъ заслуживающихъ почетъ, или добротою, или достоинствомъ.

Трудамъ пра́веднымъ наживе́шь домо́въ ка́менныхъ.

У бобыля́ ни ковды нѣту киселя; кисель есь, такъ молока нѣту; молоко есь, такъ киселя нѣту. Тотъ, у кого нѣтъ своего хозяйства, не можетъ жить въ довольствѣ.

У ёго нѣтъ ни кола́, ни двора́, ни мила́ живота́. Говорятъ о тѣхъ, у которыхъ худое хозяйство, или во все нѣтъ.

У дивиря съ невѣсткой невеликъ перекликъ.

У ёго житьё всимъ, какъ подъ насице́нымъ де́ревомъ. Говорятъ о строгости хозяина дома.

У насъ вить некунно, дый ни ма́слено, ни перо́жно, ни за́сѣянно; только хлѣбъ да соль, кисель да щи. Говорятъ съ досадою тѣмъ, которые рѣдко ходятъ въ гости. Кунно — изобильно.

У старца въ ке́льи — съ цимъ Богъ послалъ. Говорятъ когда просятъ къ себѣ го́стей, особенно въ праздники.

У ста́рого коня не по ста́рому хода́. Говорятъ старые люди, когда ихъ понуждаютъ дѣлать что нибудь скорѣе.

Фунтъ тибѣ въ го́лову изюмныхъ ягодъ. Шуточно говорятъ, когда кого нибудь съ легка ударяютъ въ голову.

У Фили были, у Фили пили, да Филю и били. Говорятъ съ насмѣшкою о томъ, кого обманули. Подъ словомъ Филя, разумѣется человѣкъ простой, недальновидный.

Хожу отъ биздилья, дый то рукодилье. Отвѣчаютъ шуточно тѣ, которыхъ спрашиваютъ, за чемъ они пришли. Въ деревняхъ, въ зимнее время женщины любятъ часто

безъ всякаго дѣла, поелѣ утреннихъ занятій въ своемъ домѣ, шататься изъ одной избы въ другую.

Хто дасъ тотъ князь, а хто не дасъ того въ грязь.

Цюрь, на́ поли съѣзжа́тьце, такъ братомъ не счита́тьце.

Целко́вой въ пешъ не хо́дитъ.

Изъ 10-го выпуска II-го тома Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

XI.

БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ ВЪ СУЗУНСКОМЪ ЗАВОДѢ

Д. П. Соловьевымъ.

1.

Про Илью Муромца.

Какъ было-то къ князю къ Володимеру
Князья-бóяря собиралися,
собирались, низко кланялись,
становились въ побѣдный кругъ,
рѣчи слушали княженецкія.
Молвилъ слово Володимеръ князь:
Князья-бóяря вы мои вѣрныя,
а и головы у васъ разумныя:
Изберите вы молодца изъ-промежь себя,
а я дамъ ему рать мою сильную;
а кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
а кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется

берегчи князя со княгинею.
Князья-бóяря слово слушали,
Слово выслушавъ поклонилися,
стали думу думати крѣпкую.
Надумали, говорили таково слово:
Гой еси ты, ласковъ Володимеръ князь,
мы всѣ съ тобой, со княгинею,
за тебя мы положимъ наши головы,
а рать поведетъ Илья Муромецъ,
мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,
коней спѣлыихъ, сабли острыя,
стрѣлы мѣткія со туга лука.
На томъ дѣло и порѣшилося.
Слали гонца къ Ильи Муромцу:
Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
на того ли ворога на Загорсково,
на Тугарина на Бѣлевича.
Въ тѣ поры Ильи Муромца дома не лучилося;
полевалъ онъ далече во чистомъ полѣ,
звѣря лютово на копье ловилъ,
соболей, куницъ на низокъ низалъ.
Во двóрѣ была токмо Савишна
молода жена Ильи Муромца.
Слышитъ слово молода жена Савишна,
грозенъ наказъ княженецкой-атъ,
молодое сердце надорвалося:
Добро-молвитъ; ты, гонецъ, назадъ бѣги,
а Илья за тобой не замѣшкаетъ.
Проводила она гонца ласково,
наказала коня сѣдлать доброво,

одѣвалась въ платьѣ богатырское,
не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву,
къ великому князю къ Володимеру.
Какъ завидѣли князья-бо́яря богатырской скокъ,
какъ заслышали князья-бо́яря, богатырскій свистъ,
не дивилися долго скоку, посвисту,
высылали спѣшно всю рать могучую,
сами къ ласкову князю воротилися.
Пошла-дѣ-рать съ Ильей Муромцомъ,
и Тугарину-дѣ-съ нимъ несдо́бровать. —
Далеко въ чистомъ полѣ рати стрѣтились.
У Тугарина рать туча чорная,
княженецкая рать молонья свѣтлая.
Какъ сошлися невзвидѣлись.
А и Тугаринъ невзвидѣлъ бѣла дня,
Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскія,
проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромецъ
знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
кто за него бился съ Тугариномъ,
служилъ службу Царскую, Государскую.

2.

Про Чурила Плёнковича.

Благословляй-ко хозяинъ,
благословляй, господинъ,
старину сказать стародавную
про молода Чурила сына Плёнковича.

Онъ добро по городу погуливалъ.
Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
лазоревый цвѣточикъ не ломится,
зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.
Что съ вечера пороша порошила,
съ полуночи выпалъ бѣлый снѣгъ,
выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ.
По той-то порошѣ два слѣдочка лежатъ,
малы́мъ-то малы́, коротешеньки.
Стары старики собиралися,
они тѣмъ слѣдкамъ дивовалися.
Чьи это слѣдки малешеньки,
малы́мъ-то малы́, коротешеньки?
Это молода Чурила, сына Плёнковича.
Выходили часовы, выносили фонари.
Выходила госпожа Пермитьиха.
Беретъ она Чурилу за бѣлыя руки,
за бѣлыя руки, за златы перстни,
ведетъ его въ новую горницу,
садитъ его за дубовый столъ,
поитъ его сладкимъ медомъ, зеленымъ виномъ.
Тутъ-то сѣнной ея дѣвушкѣ за бѣду стало,
за великую досаду показалося.
Пошла она боярину пожаловалась:
Ты, гой еси, нашъ, превысокой господинъ!
У насъ въ дому чудо чудится,
чудо чудится, диво дѣется:
Чурило Плёнковичь гоститъ у тебя.
Скочилъ Пермитьевъ на рѣзвы ноги,
говорилъ онъ таковы слова:

Налей, ты, мнѣ чару зелена вина,
зелена вина, въ полтора ведра!
Беретъ Пермитьевъ чару единой рукой,
выпиваетъ чару на единый духъ;
беретъ онъ со спички вострy сабельку;
пошелъ Пермитьевъ въ нову горницу.
Онъ грозно по горенкѣ похажива'тъ,
чеботами въ полъ поколачива'тъ,
вострy сабельку на ручкѣ поправлива'тъ;
на спички, подъ спички посматрива'тъ;
увидѣлъ на спичкѣ золотъ калпакъ.
Это что, мнѣ ненадобно?
Подходила госпожа Пермитьиха,
говорила она таковы слова:
Ты гой еси, превысокой господинъ!
я по городу ходила, по базару гуляла,
по базару гуляла, у батюшки была,
мнѣ батюшка пожаловалъ, родимый подарилъ:
хочу я тебя срядить лучше стараго,
лучше стараго, лучше новаго.
Онъ грозно по горенкѣ похажива'тъ,
чеботами въ полъ поколачива'тъ,
вострy сабельку на ручкѣ поправлива'тъ,
на грядки, подъ грядки поглядыва'тъ,
увидѣлъ на грядкѣ перчатки шелковы.
Это что, мнѣ ненадобно?
Подходила госпожа Пермитьиха,
говорила она таковы слова:
Ты гой еси, превысокой господинъ!
я по городу ходила, по базару гуляла,

по базару гуляла, у матушки была,
мнѣ матушка дала, родна жаловала:
хочу я тебя срядить лучше стараго,
лучше стараго, лучше новаго.
Онъ грозно по горенкѣ похажива'тъ,
чеботами въ полъ поколачива'тъ,
востру сабельку на ручкѣ поправлива'тъ,
на полки, подъ полки поглядыва'тъ,
увидѣлъ на полкѣ зеленъ кафтанъ.
Это что, мнѣ ненадобно?
Подходила госпожа Пермитьиха,
говорила она таковы слова:
Ты гой еси, превысокой господинъ!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
у братца была, мнѣ братецъ пожаловалъ,
братецъ пожаловалъ, родной подарилъ:
хочу я тебя срядить лучше стараго,
лучше стараго, лучше новаго.
Онъ грозно по горенкѣ похажива'тъ,
чеботами въ полъ поколачива'тъ,
востру сабельку на ручкѣ поправлива'тъ,
на лавки, подъ лавки поглядыва'тъ;
увидѣлъ подъ лавкой сафьяны сапожки.
Это что, мнѣ ненадобно?
Подходила госпожа Пермитьиха,
говорила она таковы слова:
Ты гой еси, превысокой господинъ!
я по городу ходила, по базару гуляла,
по базару гуляла, у сестрицы была,
мнѣ сестрица подарила, родна жаловала:

хочу я тебя срядить лучше стараго,
лучше стараго, лучше новаго.
Онъ грозно по горенкѣ похажива'тъ,
чеботами въ полъ поколачива'тъ,
востру сабельку на ручкѣ поправлива'тъ;
на печку, за печку поглядыва'тъ.
Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горятъ:
то ясны очи глядятъ, то Чуриловы.
Выходи-ко ты, Чурило, середи пола́.
До тебя-то мнѣ, Чурило, дѣлу нѣтука;
мы съ тобой, Чурило, побратуемся.
Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
выходи-ко ты, княгиня, на красно́ крыльцо,
на красно́ крыльцо, на перильчато;
женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
на другомъ женихѣ—востро́й сабелькѣ.

XII.

ПѢСНЯ,

ДОСТАВЛЕННАЯ СЪ ЛОКТЕВСКАГО ЗАВОДА

И. И. Гуляевымъ.

Не отъ пламечка, не отъ огничка
загаралася въ чистомъ полѣ ковыль трава;
добирался огонь до бѣлаго до камешка;
что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрыя;
ужъ какъ пѣшъ ходитъ младъ ясенъ соколъ по чисту полю.
Прилетали къ ясну соколу черны вороны;
они граяли, смѣялись ясну соколу;
называли они ясна сокола вороною:
Ахъ, ворона ты, ворона, младъ ясенъ соколъ!
ты зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ чернымъ воронамъ:
Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны;
какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
поднимусь то я, младъ ясенъ соколъ, высокошенько,
высокошенько поднимусь я, младъ ясенъ соколъ, по поднебесью;
опущусь я, младъ ясенъ соколъ, по сырой землѣ,

разобью я ваше стадо, черны вороны,
что на всѣ ли на четыре стороны;
вашу кровь пролью я въ сине море,
ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда-то было ясну соколу пора-времечко,
что леталъ-то младъ ясенъ соколъ по поднебесью;
убивалъ-то младъ ясенъ соколъ гусей, лебедей,
убивалъ-то младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ уточекъ!
Что когда-то было добру молодцу пора-времечко,
что ходилъ-то гулялъ добрый молодецъ на волюшкѣ,
какъ теперь-то добру молодцу поры-время нѣтъ:
засаженъ-то сидитъ добрый молодецъ во побѣдности,
у злыхъ вороговъ, добрый молодецъ, въ земляной тюрьмѣ.
Онъ не годъ-то сидитъ добрый молодецъ, и не два года,
что сидитъ-то добрый молодецъ ровно тридцать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣдешенька,
что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все ждетъ онъ, поджидаетъ выкупу, выручки.
Былъ и выкупъ бы, и выручка, своя волюшка,
да далечева родимая сторонушка *).

*) Послѣдніе стихи добавлены по другому списку.

(Изъ 5-го выпуска III-го тома Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.)

XIII.

БЫЛИНА

про Владиміровыхъ богатырей: Данилу Игнатьевича и сына его Михайлу. *)

Какъ во славномъ-то во городи во Кіеви,
у ласкова князя у Владиміра
заводилось пированьице — почѐстенъ пиръ.
А и всѣ на пиру да напивалися,
а и всѣ на чесномъ да пріѣдалися,
да и всѣ на чесномъ видь приосхвастались.
А иной же-то хвасталъ широкимъ дворомъ,
а другой-атъ-то [1] видь хвасталъ золотой казной,
а новой-отъ-то хвасталъ добрымъ конемъ,
да другой-то хвасталъ сѝлою могучею;
только глупой-отъ видь хвасталъ молодой женой.

*) Эта былина взята изъ Сборника былинъ, составляемаго учителемъ Онежскаго Уѣзднаго училища А. Верещагинымъ, и записана имъ со словъ Нименгскаго крестьянина Ивана Пахомова, съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора Онежскаго. Надобно желать, чтобы г. Верещагину удалось обогатить свой сборникъ сколько можно болѣе.

И сидитъ мо̀лодець, да онъ не пьетъ, не ѣстъ,
а не пьетъ, да онъ не ѣстъ, да онъ не кушаётъ,
и ничѣмъ же мо̀лодець да видь не хвастаётъ,
и повѣсилъ молодѐць да буйну голову.
Ише на̀ имя Данила свѣтъ Игнатьевичь.
Ише эфто князю Владиміру не показалося.
По сѐреду кирпиньному онъ запохаживалъ,
да онъ бѣлыма руками заразваживалъ,
да онъ желтыма кудрями запотряхивалъ:
«А што же ты, Данилушка Игнатьевичь,
«а не пьѐшь, да ты не ѣшь, да ты не кушаёшь,
«и ничимъ же ты, Данило, видь не хвастаёшь?
Втогды̀ сталъ тутъ Данило на рѣзвы̀ ногѝ,
втогды кланялся Владиміру до сырой земли:
«Ише чимъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, видь хвастати?
«Ни двора-то у меня широко̀го не было,
«золотой у меня казны видь не лучилося,
«а и сила-та была видь во мнѣ ровная.
«Видь служилъ я у тобя да пятьдесятъ годовъ,
«да убилъ я тобѣ видь пятьдесятъ царёвъ,
«а мелко̀й силы убилъ — да той и смѣту нѣтъ.
«Теперь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
«ты спусти-[2] тко, спусти, Владиміръ, въ монастырь пре-
чѐстные,
«да во тѣ-ли спусти во кельи низкія,
«да спасти мнѣ-ка спасти да душа грѣшная».
А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:
«Ой, нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко, —
«ише нѐ кому дѣлать видь защиты всему Кіеву!»
И во вто̀рой разъ просилъ Данилушко Игнатьевичь:

«Да спусти же ты, Владиміръ, въ монастырь пречестные,
«да во тѣ-то ты спусти во кельи низкія,
«да спасти мнѣ-ка спасти да душа грѣшная.
Говорилъ же тутъ Данило да Игнатьевичь:
«А и будетъ тѣ [3] ограда бѣлокаменной,
«да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
«есть видь у меня да сынъ Михайлушко!»
И втогда спустилъ его Владиміръ въ монастырь пречѣстные,
да во тыи-то [4] спустилъ во кельи низкія.
А узнали тутова [5] цари невѣрные,
што во Кіеви богатыри ушли въ монастыря.
Приходилъ втогда туда невѣрный царь,
приносилъ видь онъ книгу настольную,
ише требуетъ, собака, поединщины!
Выходилъ Владиміръ князь да на балконъ высокіе,
да смотрѣлъ Владиміръ Князь да во всѣ стороны:
у собаки видь силы-то въ чистомъ поли
быдто облако ходячоё нагонено.
И втогда Владиміръ князь зачалъ почестенъ пиръ,
што на всѣ князи, на всѣ бояра,
да на всѣ и паленицы-ты удалые
ише и на весь то народъ да православные.
Дакъ и всѣ видь на пиру-то напивалися,
да и всѣ видь на чесномъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда Владиміръ князь въ первой наконъ: [6]
«Ужъ вы ой еси, князи мои, бояра,
«да вы ой еси, паленицы да удалые,
«ишѣ весь то вы народъ да православные!
«А и хто бы то видь съѣздилъ да въ чисто полё,
«Да пересчитывать [7] силы невѣрныя?

А и въ тую пору было, во то время —
большой видь хоронится за среднёго,
ише средней-отъ хоронится за младшего,
а отъ младшаго Владиміру ответу нётъ.
Говорилъ же видь Владиміръ во второй наконъ,
да говорилъ видь онъ и во третей наконъ.
А и въ тую-ту пору было, во то время:
выходилъ тутъ дородне [8] доброй молодець
изъ за тово онъ стола видь белодубова,
ише на имя Михайло да Даниловичь.
понизёшеньку онъ Владиміру поклоняется,
помалёшеньку ко Владиміру подвигается:
«Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь въ чисто полё,
«пересчитывать-то видь силы невёрныя.»
А ответъ таковъ дёржалъ ему Владиміръ князь:
«Ой же ты, Михайло да Даниловичь,
«а и ростомъ-то видь ты же есь глупешенёкъ,
«да и разумомъ-то ты же есть малешенёкъ;
«топерь отъ роду, Михайло, тё двенадцать летъ, —
«потеряшь, братъ, ты, Михайло, свою голову!»
А и то видь Михайлу да не показалося.
Ише скоро онъ пошелъ по середы кирписьныя,
широко отворялъ онъ двери на пяту,
запиралъ онъ тыи двери крепко на крепко,
а двери-ты на штёпочки всё разсыпалися,
да и двери-ты видь тё да покололися,
и вся эта палата зашаталася,
да одва эта палата не розрушилась.
Ише скоро онъ пошелъ да на широкой дворъ,
да скоря того пошелъ онъ къ своей матери;

да сѣдлалъ, да онъ уздалъ да лошадь добрую,
и поѣхалъ нашъ Михайло во чистò полё,
во чистò полё поѣхалъ — онъ роздумался:
Што я не съѣздилъ къ свòёму родителю,
да не взялъ отъ его благословленья та да полнаго? —
Поворачивалъ добрà коня ко монàстырю пречѐстному,
да ко тѣмъ-ли да ко кельемъ низкіемъ.
А въ тую̀ пору мать сырà земля да зазыбалася,
Старо старчишшо Данильшо засовалося:
«А не мой-ли видь пріѣхалъ да Михайлушко?
«А куда, Михайло, ѣдёшь, куда путь дёржѝшь?
— «Ѣду видь я, бà чько [9], да во чистò полё,
«пересчитывать-то видь силы невѣрныя.»
Отвѣтъ дёржалъ старо старчишшо Данилишшо:
«Этая-та должность не твоя бы есть,
«не спустилъ бы я тобя да во чистò полё.
«И тàя заповѣдь положена тяжелая,
«да и зàстава [10] положена великая.
«Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ;
«да потеряёшь ты, Михайло, свою голову!»
А и то видь какъ Михайлу да не показалося.
Скоро поворачивалъ добрà коня въ чистò поле;
И рыкалъ [11] да старо старчишшо Данильшо гласомъ громкіемъ:
«Стой-ко ты, Михайло, да удёржи коня!
«да возьми-тко отъ меня благословленьё полноё,
«а поѣдёшь ты, Михайло, во чистò полё,
«выѣдёшь ты на шеломя́ на окатисто, [12]
«а по Русскому — на гору да на высокую, —
«да крычи тко ты, Михайло, вò всю голову,
«ише требуй-ко ты бурушка косматого:

«Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
«послужи-тко ты теперь сыну Михайлушку!»
«Прибѣжитъ тутъ конь да видь косматые,
«(стоитъ онъ на горы да на высокія)
«да отмѣрь-ко ты, Михайлушко, какъ пять локотъ,
«и копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю,
«да во сторону копай да ты во встосьную:
«а и тутова збруя да видь богатырская.»
Втогда выѣхалъ Михайло на шеломя окатисто,
да крычалъ Михайло во всю голову,
ише требовалъ онъ бурушка косматого:
«Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
«послужи-тко ты теперь сыну Михайлушку!»
Да отмѣрялъ тутъ Михайло какъ видь пять локотъ,
да во сторону копалъ да онъ во встосьную,
и копалъ Михайло да мать сыру землю,
находилъ онъ тутъ все збрую богатырскую,
и втогды ужъ онъ поѣхалъ во чисто полё.
Забречала ёго палиця боёвая,
засвистѣла его сабля, сабля вострая.
Выходило старо старчишшо Данильшо на зеленой лугъ,
да просилъ онъ Спаса съ Богородицёй:
«Ты, Спаса всемилослива Богородиця,
«да прими-тко ты моленьё пустынноё,
«да прими-тко Ты моленьё скоро на-скоро!
«Помоги-тко Ты сыну Михайлушку?
«Исполнятъ онъ все да дѣла добрыя,
«ише дѣлатъ онъ защиту всему Кіеву.»
Только въ тую было пору, въ то время:
доброй конь у Михайла провѣщился: [13]

«Бей-ко ты, Михайло, силу съ крайчику,
«не заѣжжай-ко се, Михайло, въ силу въ мàтику: [14]
«а и копаютъ тутъ Уланове три погреба,
«а три погреба копаютъ тутъ глубокіе,
«и становятъ тутъ у погребъ копья вострые,
«ише первой-отъ я погребъ дакъ перѐскочу,
видь и дрýгой-отъ я погребъ да перѐскочу,
«а третьёго мнѣ-ка погреба не перѐскочить.»
И бьетъ Михайло тутъ коня по тусьны̀мъ бедрамъ:
«Ахъ ты конь, мой конь, травяной мѣшокъ!
«не хошь ты послужить мнѣ-ка времени малого?»
Да началъ коня приправливать [15] во силу да въ матику:
пѐрвой-то погрѐбъ его конь перѐскочилъ,
да и дрýгой-отъ онъ погребъ видь перѐскочилъ,
а третьёго-то онъ погреба не перѐскочилъ;
и упалъ ногами онъ да заднима,
уронилъ Михайла онъ въ глубокъ погрѐбъ,
только нѐ палъ тотъ на копья вострые.
Набиралися Уланове поганые,
да вязали видь его за руки бѣлыя,
да тѣмà петля̀ми видь шелкòвыма,
и ковали, ковали, да во желѣза тяжелые
видь рѣзвы̀ ногѝ ковали Михайловы,
и повели-то его ко царищу ко Уланищу.
Только молится Михайло Спасу съ Богородицёй:
«Ты не дай-ко-се меня поганымъ на порýганье,
«буду я служить да съ вѣку до вѣку [16]
«да за тую я за вѣру за крещоную,
«да за церкви я служить буду за Божьія!»
А втогда видь у Михайла съ двое- съ трое силы прибыло,

разорвалъ онъ петли-ты шелковыя,
да сломалъ желѣза онъ тяжелыя,
ухватилъ онъ видь ослядь [17] телѣжную,
да и завелъ [18] видь онъ ослядью помахивать.
Какъ впередъ-то онъ махнетъ — дакъ туто улиця,
а назадь-ту отмахнетъ — дакъ переулочекъ.
И узнала тутъ его конь-лошадь добрая,
прибѣгала со всёй со сруеи богатырскою;
и садился тутъ Михайло на добра коня,
заводилъ онъ силы пересчитывать,
пересчитывать тутъ силы съ крайчику,
да полонить-тѣ силы тутъ да съ края на край.
И поѣхалъ онъ къ царишшу ко Уланишшу,
и отсѣкъ царишшу онъ да буйну голову,
положилъ онъ тую голову на копье вострое.
Самъ онъ головы то удивляется:
Вить ушишша-та у царишша — быдто блюдишша,
а глазишша-та у царишша — быдто чаши пивныя,
а носишшо-то у царишша — быдто палиця боёвая.
Дакъ и ѣдётъ втогды Михайло по чисту полю.
И ходитъ туто старо старчишшо Данилишшо
да со той-ли со клюкою со желѣзною —
ише тая-та клюка да сорока пудовъ,
а старикъ-отъ самъ видь приговариватъ:
«Ой же вы еси, Уланове поганые!
«а убили у меня вы сына Михайлушка!»
Тутъ пріѣхалъ самъ Михайло близь его,
да крычалъ ему онъ гласомъ громкіемъ:
«Што ты ише, старой, туто дѣлаёшь?»
А отвѣтъ дёржалъ старо старчишшо Данильшо:

«Ой же ты, Улановинъ поганые,
«да подвинься-ко сюда, да ко мнѣ старому —
«дакъ розсѣку я тя клюкой и съ конемъ на-двое.
А скрычалъ Михайло гласомъ скрѣмкіемъ [19],
ише скромкіемъ онъ гласомъ, да робечьіемъ:
«Стой-ко се ты, монахъ, да удёржи коня,
«призднни-тко [20] ты свой колпакъ шелковые,
«втогда да увидишь, кого надобѣть [21]!»
Призднулъ монахъ колпакъ шелковые;
(подъѣжжалъ втогда Михайло близь его);
тутъ во-первыхъ опознялъ своёго бурушка,
во-вторыхъ-то опозналъ сына Михайлушка:
«Ты куда, Михайло, ѣдёшь, куда путь дёржишь?
— «Ѣду я, бачко, видь во Кіевъ-градъ.
«Былъ же я видь, бачко, во несчастіи:
«пересчитывалъ я силы видь поганыя,
«въ глубокій погрѣбы ѣздилъ — убитъ не былъ:
«Видно ваши-ты молитвы да пустынныя
«видь послѣдовали къ Спасу многомилосливу!
«Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречѣстные,
«да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
«а самъ-отъ я поѣду видь во Кіевъ-градъ.
Да во Кіевъ градъ заѣхалъ не воротами —
черезъ стѣну заѣхалъ онъ городовую,
черезъ башню онъ заѣхалъ наугольную,
и вязалъ коня къ кольцю онъ залоченому.
Выходилъ втогда Владиміръ со Опраксіёй,
и дивились головы-то тутъ Улановой,
Дакъ втогда ужъ вотъ завелся тамъ почестенъ пиръ,
што на всѣ кнези пируха [22], на бояра,
да на всѣ и паленици-ты удалыя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Частица то, самая употребительная въ обыкновенномъ разговорѣ.

2. Спустить, дозволить идти куда нибудь изъ дому.

3. Тѣ, вмѣсто тебѣ; говорятъ также тя, вм. тебя.

4. Ты̀и, мѣстоим. (= Слав. тіи), тѣ.

5. Ту̀това, тутъ, здѣсь.

6. Накòнъ, разъ.

7. Пересчѝтывать, побѣждать или прогонять (непріятеля).

8. Дорòдне, изрядно, довольно хорошо.

9. Бà чько, сокращенное батюшка; отецъ.

10. Зàстава, запрещеніе.

11. Рыкà ть, кричать.

12. Шеломя̀ окатистое. Хотя значеніе этого слова и объяснено въ слѣдующемъ стихѣ «а по Русскому — на гору да на высокую», однакожъ шеломя̀ значитъ не гора, а холмъ необрывистый, пологій. — Слово это теперь не употребляется въ Онежскомъ уѣздѣ.

13. Просвѣ̀щился, получилъ способность говорить.

14. Въ матику, въ середину, въ центръ.

15. Приправливать, начать править лошадью къ желаемой цѣли.

16. Съ вѣку до вѣку̀, всю жизнь; съ этой минуты до кончины.

17. О̀слядь, одна изъ толстыхъ палокъ, скрѣпленныхъ въ видѣ прямоугольника, лежащаго на осяхъ телѣги.

18. Завёлъ, началъ.

19. Скрòмкой — тихій, слабый.

20. Призды̀ни, приподними.

21. Надобѣть, надобно.

22. Пиру̀ха, веселый пиръ, попойка.

XIV.

БЫЛИНЫ.

ПРО ЗМѢЯ ГОРЫНИЧА.

Ходила княгиня по крутымъ горамъ,
Ходила она съ горы на гору,
ступала княгиня съ камня на камень;
ступила княгиня на люта змѣя,
на люта змѣя, на Горынича.
Вокругъ ея ножки змѣй обвился,
вокругъ ея башмачка сафьянова,
кругомъ ея чулочка скурлатъ-сукна,
хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыи груди.
А княгиня втопоры поносъ несла,
носила въ утробѣ чадо девять мѣсяцовъ.
На десятой-то мѣсяцъ чадо провѣщилось,
провѣщилось чадо, проговорилось:
Ужь ты гой еси, матушка родимая!
Не дамъ я тебя змѣю во обиду.

Когда я буду на возрастѣ,
на возрастѣ пятнадцати лѣтъ,
ужь ты скуй мнѣ палицу боевую,
боевую палицу во сто пудъ,
когда та палица легка покажется,
ужь скуй, матушка, въ полтораста пудъ.
Тогда то я, матушка, буду со змѣемъ воевать.
Я зайду то къ нему въ пещерички змѣиныя,
сниму ему буйную головушку,
подниму его головушку на острый колъ,
поднесу его головушку къ твоему дворцу.

XV.

БЫЛИНЫ

ИЗЪ ЗАВОДОВЪ ЛОКТЕВСКАГО И СУЗУНСКАГО.

Доставлены *С. Н. Гуляевымъ.*

1.

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА И ЦАРЯ КАЛИНУ.

Что у ласкова князя Владиміра
заводился пиръ на веселѣ:
собирались князья, бояры,
сильные, могучіе богатыри
и вся полени́ца удалая.
Заводился пиръ въ полупи́рѣ,
сахарныя кушанья въ полукушаньѣ,
питья медвяныя въ полупитьѣ;
стали бояры наѣдатися,
стали бояры напиватися,
стали бояры призахвастываться:

кто хвастаетъ чистымъ сѣребромъ,
кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
кто хвастаетъ скатнымъ жемчугомъ,
кто хвастаетъ золотой казной.
Какъ возговоритъ Владиміръ князь:
— Полно вамъ, бояры, хвастати;
стану я васъ дарити, жаловать,
кого буду дарить чистымъ сѣребромъ,
кого буду дарить краснымъ золотомъ,
кого жаловать скатнымъ жемчугомъ.
Тутъ стала бы княгиня говорить:
— Ты гой-еси, батюшка, Владиміръ князь!
Всѣхъ удари́лъ ты, всѣхъ ужаловалъ;
одного только удалаго добра молодца
не дарилъ ты, не ужаловалъ,
что по имени то Илью Муромца. —
— Ты гой еси, княгиня, неразумная!
Подарю я удала добра молодца
тѣми дарами, которы мнѣ пришли
отъ Татарина, отъ Бусурманова:
подарю я его тою шубой соболиною. —
Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
и бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,
а самъ къ шубѣ приговариваетъ:
Велитъ то мнѣ Богъ шубу бить
о кирпищатъ полъ,
велитъ ли мнѣ Богъ бивать
Татарина Бусурманова!
Тутъ князья и бояры подмолвились:
— Гой еси, батюшко, Владиміръ князь!

Всѣмъ то намъ твои дары по любви пришли,
одному то удалому молодцу
дары тѣ не по любви пришли,
что по имени то Ильѣ Муромцу:
беретъ онъ шубу за одинъ рукавъ
и бьетъ о кирпищатъ полъ,
а самъ къ шубѣ приговариваетъ:
велѣлъ Богъ бивать шубу о кирпищатъ полъ....
Взять было удалаго добра молодца,
что по имени то Илью Муромца,
повести было его на горы высокія,
бросить его въ погреба глубокіе,
задернуть рѣшетками желѣзными,
завалить чащей, хрящомъ-камнемъ! —
Взяли тутъ удалова молодца
скурлаты немилостивые,
повели на горы на высокія,
бросили въ погреба глубокіе,
задернули рѣшетками желѣзными,
завалили чащей, хрящомъ-камнемъ.
Княгиня была сдогадлива:
копала подкопы подъ тѣ по́гребы,
поила и кормила доброва молодца,
что по имени Илью Муромца,
поила, кормила ровно три годы.
Черезъ три годы накатилась сила невѣрная
что того было Калины царя,
обстала престольный Кіевъ градъ
вокругъ на шестьдесятъ верстъ.
Тутъ-то Владиміръ-князь

весьма закручинился, запечалился;
повѣсилъ онъ буйну голову на праву сторону,
потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ.
Тутъ ему княгиня подмолвилась:
— Что ты, батюшко Владиміръ князь,
закручинился, запечалился,
повѣсилъ буйну голову на праву сторону,
потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ?
— Ты гой еси, княгиня, неразумная!
накатилась на насъ сила невѣрная,
того было царя Калины;
обстала престольный Кіевъ градъ
вокругъ на шестьдесятъ верстъ;
а нѣтъ у насъ стоятеля,
нѣтъ у насъ оберегателя,
удалова добра молодца, Ильи Муромца!
Говоритъ тутъ княгиня князю Владиміру:
— Ты гой еси, батюшко Владиміръ князь!
Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
скурлатамъ немилостивымъ,
чтобы сходили они на горы на высокія,
развалили чащи, хрящи-камни,
и отворили рѣшотки желѣзныя,
посмотрѣли бы удалова добра молодца,
что по имени-то Илью Муромца,
не живъ ли онъ?
Отвѣчаетъ ей Владиміръ князь:
— Ты гой еси, княгиня, неразумная!
Сними-ко ты буйную голову,
приростетъ ли она къ плечамъ?

Такъ будетъ ли живъ чрезъ три годы́
удалый добрый молодецъ,
что по имени Илья Муромецъ.
Говоритъ княгиня князю Владиміру:
— Посылай только, онъ живъ сидитъ.
Выходилъ князь Владиміръ на красно́ крыльцо,
закричалъ онъ зычнымъ голосомъ
слугамъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ:
— Вы гой еси, слуги вѣрные!
Вы подите-ко на горы, на высокія,
развалите чащи, хрящи-камни,
раздерните рѣшотки желѣзныя,
посмотрите, живъ аль нѣтъ Илья Муромецъ?
Пошли слуги на горы, на высокія,
развалили чащи, хрящи-камни,
отворяли рѣшотки желѣзныя,
закричали зычнымъ голосомъ:
— Ты, гой еси, удалый добрый молодецъ,
живъ-ли ты, али нѣту́-ка?
Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ.
Спускали тутъ къ нему́ лѣстницы,
въ погреба-то глубокіе;
выходилъ на Божій свѣтъ Илья Муромецъ.
Отвели его слуги къ князю Владиміру.
Говоритъ тутъ ему Илья Муромецъ:
Ты, гой еси, батюшко, великій князь!
Нѣтъ у меня коня добраго
и всей сбруи богатырскія!
Тутъ Владиміръ князь конюхамъ приказывалъ
привести коня богатырскаго,

принести палицу боёвую,
саблю вострую, копье Бурзомѣцкое.
Сѣдлалъ Илья Муромецъ коня доброва,
надѣвалъ на себя всю сбрую богатырскую,
садился въ сѣделечко Черкасское,
говорилъ князю Владиміру:
— Ты, гой-еси, батюшко, Владиміръ князь:
подай-ко мнѣ своихъ измѣнщиковъ.
Привели къ нему измѣнщиковъ,
и посѣкъ онъ имъ буйны головы.
Побѣжалъ онъ въ силу невѣрную.
Бѣгалъ по силѣ день до вечера,
темную ночь до бѣла́ свѣта́;
второй день бѣгалъ до вечера,
вторую ночь до бѣла́ свѣта́;
третій день бѣгалъ до вечера,
и третью ночь до бѣла́ свѣта́;
порѣшилъ онъ тогда силу невѣрную.
Прибѣжалъ домой и спалъ трои сутки.

2.

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Ишшо сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не нахаживалъ,
такова я чуда-дива не нахаживалъ,
какъ нашелъ я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
середи торгу́-базару, сѣредь площади,
у того было колодичка глубокова,
у того было ключа-то подземельнова,
что у той было конторушки Румянцовой,

у тово было крылечка у перильчата,
ужъ какъ бьютъ-то добра молодца на правежѣ,
что на правежѣ ево бьютъ,
что нагова бьютъ, босова и безъ пояса,
въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ то, безъ чеботовъ;
правятъ съ молодца казну да монастырскую.

Изъ за горъ-то, было горъ, изъ за высокiихъ,
изъ за лѣсу-то было, лѣсочку, лѣсу темнова,
что не утренняя зорюшка знаменуется,
что не праведное красно сэлнышко выкатается:
выкаталась бы тамъ карета красна золота,
красна золота карета — государева;
во каретушкѣ сидѣлъ православный царь,
православный царь Иванъ Васильевичь.
Случилося ему ѣхать посередь торгу́.
Ужь какъ спрашивалъ надёжа православный царь,
ужь какъ спрашивалъ доброва молодца на правежѣ:
Ты скажи, скажи, дѣтина, правду истину,
ишшо съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую,
если ложно ты мнѣ скажешь, я скоро сказню:
я пожалую тя, молодецъ, въ чисто́мъ полѣ,
что двумя тебя столбами да дубовыми,
ужъ какъ третьей перекладинкой кленовою,
а четвертой тебя петелькой шелковою.
Отвѣча́тъ ему удалый добрый молодецъ:
Я скажу́ тебѣ, надёжа православный царь,
я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
что не я то казну кралъ, не я разбой держалъ,
ужъ какъ крали воровали добры молодцы,

добрые молодцы, казаки.
Случилось мнѣ, молодцу, идти чистымъ полёмъ,
я завидѣлъ въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоитъ,
сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ крековистый;
что пришолъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
что подъ тѣмъ было, подъ дубомъ, подъ крековистымъ,
что казаки онѣ дѣлъ дѣлятъ;
они дѣлъ дѣлили, дуванъ дуванили;
подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
какъ отряхивалъ коренья о сыру землю.
Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
со дѣлу они, со дувану, разбѣжалися,
одному мнѣ золота казна досталася,
что не много и не мало — сорокъ тысячей.
Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ,
ужъ я клалъ тоё казиу во большой-отъ домъ,
во большой-отъ домъ, во царевъ кабакъ.

XVI.

БЫЛИНА

ИЗЪ СБОРНИКА *А. Верещагина.*

ПРО ДУНАЯ ИВАНОВИЧА.

Ай былъ жилъ Дунай да сынъ Ивановичь,
гулялъ-гулялъ Дунай да съ земли въ землю,
и загулялъ Дунай да къ королю въ Литву,
а къ тому-ли королю да Ляховинскому.
Трѝ годы у короля Дунай конюхалъ,
да трѝ годы у короля онъ стольничалъ,
иште трѝ годы у короля онъ клюшничалъ.
Какъ король-отъ мо̀лодца да любилъ — жаловалъ,
да и королѝха мо̀лодця вить такоже,
а Настасья королевисьня молодця̀ у души дёржѝтъ.
У короля въ тую пору завелся пачестенъ пиръ;
не спушшаётъ [1] Настасья вить на пиръ мо̀лодця:
«Не ходи-тко ты, Дунай, да на почестенъ пиръ,
«а на томъ-то пиру да напиваются,

«да на томъ-тамъ [2] пиру́ все наѣдаются,
«да похвасташь какъ мной ты, красной дѣвицёй,
«дакъ потеряёшь ты, Дунай, да свою голову́».
Дунай-отъ Настасьи вить да не слушаётъ.
И пошелъ Дунай да на почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру тутъ напивалися,
вить и всѣ да на пиру-то наѣдалися,
да и всѣ на пиру да приросхвастались.
А Дунай-отъ говорилъ да таковы слова:
«Гулялъ я молодѐць да изъ земли въ землю́,
«загулялъ я молодѐць да къ королю въ Литву,
«король меня, молодця, да любилъ-жаловалъ,
«да и королиха вить молодця такоже,
«а Настасья королевисьня у души дёржи́тъ».
А то вить какъ королю да не показалося.
Скрычалъ король да гласомъ громкіемъ:
«Ой же вы, палачи еси немилòсливы,
«да возмите-тко Дуная за бѣлы́ руки́,
«ише за тѣ перстни возмите за злачёные,
«да ведите-тко Дуная во чистò полё,
«отсѣките-тко Дунаю да буйну голову!»
Повели Дуная мимо домъ да Настясьюшкинъ;
а не дòйдучись [3] дому да Нàстасьиного,
скрычалъ Дунай въ полгласа человѣческа:
«Спишь ты, Настасья, не пробудишься.
«Вить ведутъ-то Дуная во чистò полё».
Проходилъ онъ противъ дому Настасьина,
да скрычалъ Дунай да во всю голову:
«Все ты спишь, моя Настасья, не пробудишься!
«Вить ведутъ Дуная да во чистò полё!»

А скрычалъ Дунай то гласомъ громкіемъ;
отъ того палата да и зашаталася,
и королевисьня Настасья пробужалася.
И бѣжитъ Настасья да на широкой дворъ,
во единой вить рубашечки и бѣзъ пояса,
и крычала же она да гласомъ зычныемъ:
«Ой же вы еси палачи немилóсливые!
«возмите-тко казны да колько надобно,
«а спустите-тко Дуная во чистó полё!
«да подите-тко ише да на царевъ кабакъ,
«и напойте, палачи, да пьяницю кабацкого,
«да отсѣките-тко ему да буйну голову,
«тую голову снесите королю Ляховинскому.»
И послушались Настасьи палачи немилóсливы,
да и брáли оны казны, да колько надобно,
и спустили вить Дуная во чистó полё,
и пошли оны ише да на царевъ кабакъ,
напоили оны тамъ да пьяницю кабацкого,
да отсѣкли оны ему да буйну голову,
и снесли ту голову̀ да къ самому царю.
И пошелъ втогда Дунай да во чистò полё,
да зашелъ ише Дунай какъ вить во Кіевъ градъ.
Заходилъ Дунай да на царевъ кабакъ,
прòпилъ тутъ Дунай да шляпу Греческу,
ише пропилъ онъ съ собя сапожкѝ сафьяные,
да съ собя онъ пропилъ и все платьё цвѣтное.
Сидитъ топерь Дунай да вить въ рогозочки.
Втогда зачался у Владиміра почестенъ пиръ,
ише всѣ вить на пиру-ту напивалися,
да и всѣ вить на честномъ да наѣдалися.

Говорилъ втогда Владиміръ таковò словò:
«Всѣ у насъ во Кіеви поженены,
«да и всѣ у насъ во Кіеви подаваны,
«только язъ, Владиміръ, одинъ холòстъ хожу!
«Хто бы мнѣ зналъ жену да супротивную,
«да и станòмъ мнѣ ровнỳ, да и умомъ сверстнỳ,
«што бы очи у ей были, какъ у ясна сокола,
«да и брови были, какъ у черна соболя,
«што у черного-ли-то соболя Сибирского?»
А въ тую-ту было пору, во то времѧ:
Бòльшой-отъ хоронится за среднёго,
а середнёй-отъ хоронится за меньшого,
а отъ меньшого—Владиміру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ тутъ Владиміръ во другой наконъ,
говорилъ же вить Владиміръ и въ третѣй накòнъ.
А и было въ тую пору, да во то времѧ,
выходилъ тутъ дороднѣ доброй молодець
изъ-за тòго онъ стола да бѣлодубова,
изъ-за тòя онъ скатёрки-то берчàтыя[4],
ише нà-имя Малюта Воскурлатовъ сынъ.
Самъ онъ говорилъ да таково словò:
«Ой же ты осударь нашъ, Владиміръ князь,
«прикажи-тко-се мнѣ да слово молвити!
«Безъ той-ли безъ высылки безъ дальныя,
«безъ той-ли безъ кàзани безъ смертныя!»
— «Говори же ты, Малюта, тобя Богъ проститъ».
«Есть на царевомъ бòльшомъ кàбаки:
«Сидитъ вить тамъ Дунай да въ рогòзочки,
«къ тобѣ не въ чемъ притти ему да на почестенъ пиръ;
«а знатъ онъ тобѣ жену да супротивницю,

»и станомъ тобѣ ровну, да и умомъ сверстну,
«вить и очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
«да и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
«што у черного-ли-то соболя Сибирсково».
Говорилъ тутъ Владиміръ таковы слова:
«Бери-тко ты, Малюта, золоты ключи,
«отмыкай ко-се, Малюта, кованы сундуки,
«да бери-тко ты казны, да колько надобно,
«и поди же ты, Малюта, на царевъ кабакъ,
«выкупай-ко се ты платьё Дунаёво,
«да веди-тко ты Дуная на почестенъ пиръ».
Бралъ Малюта да золоты ключи,
отмыкалъ онъ да кованы сундуки,
и онъ бралъ казны, да колько надобно.
Приходилъ Малюта на царевъ кабакъ:
«Ой же вы, чумаки, цѣловальники!
«Берите-тко вы денегъ, да колько надобно,
«а отдавайте тко вы платьё Дунаёво!»
Обирали оны деньги, колько надобно,
отдавали оны платьё Дунаёво.
«Ты пожалуй-ко, Дунай, къ князю Владиміру,
«званъ ты имъ да вить на почестенъ пиръ».
Отвѣтъ дёржалъ Дунай, да таковы слова:
«Со похмѣлья у меня, видно, съ голоду
«розломило у меня да буйну голову».
Наливали ему чару зелена вина,
(ише тая-та чара вить въ полтора ведра);
принималъ ее Дунай да единой рукой,
да выпивалъ Дунай да на единой духъ.
Тодутъ молцы заотправлялися,

ише шли оны по городу по Кіеву,
дѣвки, жонки по плечъ въ окно металися:
«Ише гдѣ эдаки молоцы да спорожалися?»
Приходилъ Дунай къ Владиміру на почестенъ пиръ;
началъ тутъ Владиміръ у Дуная спрашивати,
а Дунай-то сталъ ему отвѣтъ дёржать:
«Гулялъ я мòлодець, да изъ земли въ землю̀,
«загулялъ я, мòдодець, да къ королю̀ въ Литву,
«былъ въ услу̀женьи у короля я девять лѣтъ,
«вить какъ есть у короля двѣ дочери:
«бо̀льшая дочка Настасья королевисьна,
«да все ѣздитъ во чисто̀ полё поляковать;
«а вторая-то есть дочка да Опраксія,
«сидитъ она за тридевятью замка̀ми,
«да сидитъ она за тридевятью ключами,
«штобы и вѣтеръ не за̀вѣлъ[5], да и сонцё не за̀пекло,
«да и добры мòлодци штобы не за̀видѣли,
«и станомъ тобѣ ровна, да и умомъ сверстна̀,
«и очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
«а и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
«што у черного-ли-то соболя Сибирскаго».
— «Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
«Бери-тко ты, Дунай, да што тѣ надобно!
«Го̀роды тѣ нать-ли съ пригоро̀дами,
«ише села-ли тѣ нать да со приселками,
«али мнова[6] тобѣ надоть золота̀ казна,
«али сила тобѣ надоть несчетная;
«доставай-ко-се ты, Дунай, да Опраксію!»
Отвѣтъ дёржалъ Дунай, да таковы слова:
«Мнѣ не надоть твои го́роды да съ пригоро̀дами,

«и не надоть мнѣ-ка села со приселками,
«да не надоть и твоя мнѣ золота казна,
«да не нать мнѣ-ка и сила да несчетная;
«только дай ты мнѣ Добрынюшу Никитича,
«да и дай-ко ты ише мнѣ Алешу Поповича».
И спустилъ съ Дунаемъ-то Владиміръ князь
Добрынюшу Никитича да со Алешёю.
И поѣхали вить да свататися.
Только видѣли мòлодцёвъ сѣдучись,
да не видѣли вить ихъ да поѣдучись;
только ходитъ пыль, да куревà столбомъ стоитъ.
Пріѣжжали мòлодци къ королю да къ Ляховинскому,
и король-отъ мòлодця да стрѣчаётъ тутъ:
«Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
«Ты служить ко мнѣ пріѣхалъ да по прежному,
«да служить-ли ты пріѣхалъ мнѣ по старому?»
Отвѣчалъ ему Дунай да таковы слова:
«Не служить я къ тѣ пріѣхалъ да по прежному,
«не пріѣхалъ я служить тобѣ по старому;
«вишь я ѣжжу за добрымъ дѣломъ — за сватовсьвомъ:
«да отдай-ко ты Опраксію да королевисьню
«да за нашёго ли князя за Владиміра».
А и то вить королю не показалося,
хочетъ король Дуная притѣснити тутъ.
А Дунай-отъ сдергивалъ скамейку дубовую,
да завелъ вить онъ скамьею-то помахивать.
Втогда король одва и живъ лёжитъ,
вышелъ онъ потомъ да на крыльцё злаченоё,
а Опраксію втогда вить на коня садятъ.
Говорилъ туто король да таковы слова:

«Ой же ты Дунай да сынъ Ивановичь!
«Коли ты берешь у меня Опраксію,
«дакъ возми-тко ты съ ей и придано все!»
Обирали молодци все приданоё,
и поѣхали молодци во чисто поле.
Ѣдутъ какъ оны по чисту̀ полю̀ —
перепала[8] йскопыть[9] лошадиная,
а на ископыти подпись похвальная:
Хто во этую поѣдётъ дороженьку,
дакъ тому-то и вить живу̀ не быть.
Разгорѣлося тутъ у Дуная ретивò сарцò,
помутилися его ясны̀ очѝ:
«А возми-тко ты, Добрыня, Опраксію,
«да вези-тко ты ее да во Кіевъ градъ,
«а самъ-отъ я поѣду во чистò полё».
Во чистомъ поли Дунай-отъ усматриватъ,
што богàтырь какъ сѣнна куча шатается.
Съѣхались скоро мòлодци, ударились, —
палици у ихъ поломалися;
во второй разъ съѣхались, ударились, —
сабли у ихъ пощербалися[10];
соходили потомъ молодци рукопашкою:
первой день водилися[11] оны до вечера,
да темну ноченьку водились да бѣлà свѣтà,
и второй-отъ день водилися до вечера.
И упалъ дороднѣ доброй мòлодець,
со добра коня упалъ на мать сыру̀ землю̀,
а Дунай-отъ да садился на черны̀ грудѝ,
и говорилъ тутъ Дунай да таковы слова:
«Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се,

«ты которой земли, да ты коёй орды?
«да и какъ же тобя да именёмъ зовутъ?»
А въ исподѝ [12] лежитъ да гордо̀й думаётъ:
Кабы я сидѣлъ да на бѣлы̀хъ грудя̀хъ,
не спрашивалъ бы ни имени, ни вотчины [13],
а распоролъ бы я вить груди бѣлыя,
да и вынялъ бы вить я да сарцо съ печенью.
Говорилъ Дунай да во второй нако̀нъ:
«Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се,
«ты которой земли, да ты коёй орды?
«ише какъ тобя да именёмъ зовутъ?»
Вынималъ Дунай да свой булатенъ ножь,
и видитъ молодѐць, што хлопота̀ пришла:
«Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
«А попомни-тко, какъ жилъ ты у нашего у батюшка,
«да у короля-та жилъ ты Ляховинского? —
«Я вить есть Настасья королевисьня!»
Ставалъ втогды Дунай да на рѣзвы̀ ноги,
подымалъ Дунай Настасью на рѣзвы̀ ногѝ,
цѣловалъ Настасью онъ въ уста саха̀рьныя;
съ того со временѝ во Кіевъ градъ отправилисѣ.
Пріѣжжаютъ оны ко городу ко Кіеву, —
Опраксію королевисьню отвѣнчали ужь,
а Настасью королевисьню ко вѣньцю ведутъ.
У Владиміра втогда зачался почестенъ пиръ.
Дакъ и всѣ на пиру-ту напивалися,
да и всѣ вить на честномъ да приросхвастались.
А Настасья королевисьня похвастала:
«Вить не долго я во Кіеви по̀жила,
«а все я во Кіеви повызнала:

«вить Алёша Поповича смѣлѣ нѣтъ во Кіеви,
«а Добрынюша вѣжливѣ нѣтъ во всемъ Кіеви,
«а коли по метамъ-то стрѣлять,
«дакъ метнѣ меня нѣтъ во всемъ Кіеви!»
То какъ да Дунаю и не показалося.
Положили оны великъ залогъ:
Отойти за вёрсту за мѣрную,
положить злаченъ перстѣнь на буйну̀ главу,
да на буйну̀ главу положить на Дунаёву.
Отходила Настасья за вёрсту за мѣрную;
заводила она стрѣлить въ злаченъ перстѣнь,
што на буйно̀й головы да на Дунаёвой.
Дакъ рошшибла она перстень на̀-двое,
и никотора половина не болѣе.
Становилась потомъ Настасья королевисьня;
положили ей злаченъ перстѣнь на буйну̀ главу;
а Дунай-то отходилъ за̀ вёрсту мѣрную,
въ перво̀й разъ онъ стрѣлилъ,—не до̀стрѣлилъ,
а въ дру̀гой разъ стрѣлилъ, да перѐстрѣлилъ.
И видитъ Настасья, што хлопота̀ [15] пришла,
говорила Настасья да таковы слова:
«Нѐ жаль мнѣ-ка свѣту бѣлого,
«а жалко мнѣ младеня во череви;
«по локо̀ту у младеня руки въ сѐребри,
«по колѣнъ у младеня ноги въ золоти.»
Стрѣлилъ Дунай да и въ третьей на̀конъ:
Попало Настасьи въ ретиво̀ сарцо̀,
и убилъ Дунай молоду жену,
приходилъ къ ей Дунай шаго̀мъ варо̀выемъ [16],
и видитъ—Настасья мёртва̀ лёжитъ....

Становилъ Дунай да въ мать сыру землю̀
свой булатенъ ножь да тупымъ концёмъ,
и говорилъ Дунай да таковы слова:
«А гдѣ тѣло лёжитъ Настасьино,
«да останься тутъ тѣло и Дунаево!»
И падалъ онъ на ножъ да ретивы̀мъ сарцо̀мъ.
Со того ли времени, отъ крови горячія
протекала матушка Дунай рѣка,
отнынѣ Дунай да и да̀ вѣку.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Спушша̀ётъ = спускаетъ. Спускать* знач. дозволять итти куда либо изъ дому.
2. *На томъ-тамъ*, на томъ-то. Частица *тамъ* прибавляется только къ одному мѣстоименію *тотъ*, въ творит. падежѣ ед. числа поставленному: напр. «на *томъ-тамъ* свѣтѣ безбожники будутъ мучиться».
3. *Не ддо̀йдучись*, не дошедши: *учись* и *ючись* суть особыя окончанія дѣепричастій настоящаго времени, наиболѣе употребительныя въ пѣсняхъ.

.....Моя-то матушка
Не тужила, не плакала,
На чужихъ дѣтей гляжучись,
Обо мнѣ вспоминаючись.
(Изъ свадебн. пѣсн.).

4. *Берча̀тый*, отличающійся тонкою, нѣжною тканью.
5. *Штобы и вьтеръ не зава̀лъ*, чтобы лице не завѣтренѣло, не лишилось свѣжести.
6. *Мнова*, вм. многая, большая, великая.
7. *Куревà*, пыль, поднимающаяся изъ-подъ копытъ лошадиныхъ, и клубящаяся въ видѣ дыма.
8. *Перепала*, оторвалась, отпала.
9. *Ископытъ*, подкова.
10. *Пощерба̀лися*, зазубрились.
11. *Водилися*, возились,—сражались, бились.—Собственно *водиться* значитъ: 1) нянчиться, 2) умирающаго возвращать къ жизни, или приводить въ чувство и сознаніе людей, лишенныхъ чувствъ.
12. *Въ исподѝ*, внизу, находясь подъ чѣмъ либо.
13. *Во̀тчина*, вмѣсто отчество.
14. *Метнъ = метнье. Меткѝй*, меткій, быстро и ловко попадающій въ цѣль.
15. *Хлопота̀*, неминуемое несчастіе, гибель.
16. *Вардѐвый*, быстрый, проворный.

XVII.

БЫЛИНЫ и ПѢСНИ,

ЗАПИСАННЫЯ ВЪ САРАТОВѢ *А. Н. Пасхаловою.*

1.

Тамъ далече, тамъ далече во чистомъ полѣ,
какъ того еще подалѣй — во раздольицѣ,
что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
не шелковая въ полѣ травка разстилается,
ужъ какъ кланяется сынъ своей матери:
«Ужъ ты гой еси, родима моя матушка,
ты пожалуй мнѣ свое благословеньице!
Я поѣду, погуляю во чисто поле,
поищу я тамъ своево брата названнаго,
что старово казака — Илью Муромца.»
— Молодешенекъ, Добрынюшка, въ путь сбираешься:
на кого ты покидаешь свою матушку,
на кого ты оставляешь молоду жену,
молоду жену — Настасью Гурьишну? —
«Что давно моей Настасьѣ было сказано,

за недѣлюшку было Гурьишнѣ повѣдано:
что вдовѣть моей Настасьѣ ровно десять лѣтъ,
на десятыимъ годочкѣ ей своя воля:
хоть во вдовахъ она сиди, хоть замужь поди,
хоть за князя, хоть за боярина,
хоть за сильнаго, могучаго богатыря —
не ходи только за Олешку за Поповича!
что Олешка-то Поповичь онъ насмѣшникъ былъ,
онъ любилъ, любилъ смѣяться на чужіихъ женъ,
на чужіихъ женъ, на красныхъ дѣвушекъ.
Не видали какъ Добрынюшка коня сѣдлалъ,
только видѣли какъ Добрынюшка со двора съѣзжалъ
Ужь какъ минуло Добрынѣ ровно девять лѣтъ....
На десятыимъ годочкѣ ей своя воля.
Выходила она замужъ за Олешку за Поповича,
а сватомъ-то былъ самъ Володимеръ князь....
Что не ясные два сокола солеталися,
два сильные могучіе богатырья соѣзжалися —
что съѣзжалися Добрыня со Поповичемъ на смертный бой.

2.

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
да еще того подалѣй — на синёмъ морѣ,
какъ на синемъ морѣ, было, на Каспискіимъ,
что на славномъ, было, островѣ на Персидскіимъ,
собиралися музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
думу крѣпкую гадали заединую:
— Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть? —

Атаманомъ быть — Ермилу Тимофѣичу,
эсауломъ слыть — Никитушкѣ Романычу. —
Атаманъ-то рѣчь возговоритъ, что въ трубу трубитъ,
эсаулъ-то рѣчь возговоритъ какъ въ свирѣль играетъ:
«Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти? —
— Астраханское славно царство — пройдемъ съ вечеру,
а Царицынъ городочикъ — во глуху полнóчь,
а Саратовъ — на бѣлóй зарѣ;
мы Самарѣ городочку — не поклонимся,
въ Жигулёвскіихъ горахъ мы остановимся.
Вотъ мы чалочки причалимъ — все шелкóвыя,
вотъ мы сходенки положимъ — все кедровыя;
атаманушку сведемъ двое подъ руки,
эсаулушка, ребятушки, — онъ самъ сойдетъ.» —
Какъ возговоритъ нашъ башюшка атаманушка:
«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань-городъ брать?
Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ бѣлый царь,
стоитъ бѣлый царь — Иванъ, сударь, Васильевичь;
онъ немного и немало стоитъ — семь годовъ,
онъ подкопушки подкапывалъ — все на семь верстъ,
калены стрѣлы пускалъ безсчётныя,
Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!» —

3.

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
про грознаго царя Ивана Васильевича,
какъ онъ грозенъ царь Иванъ Васильевичь
скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,

ровно тридцать лѣтъ — еще три года;
сокоплёмши свою силушку, воевать пошелъ,
онъ подъ славное царство Казанское;
не дошедши до Казани становился,
становился нашь батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
въ зеленыхъ лугахъ заповѣдныихъ.
Какъ онъ грозенъ царь подъ Казань подступилъ,
подъ рѣчку подъ Казаночку подкопъ подводилъ,
подъ другую сторону — подъ Булатъ подъ рѣку.
Мы съ порохомъ боченки закатывали,
сорокъ бочекъ закатили съ лютымъ зельемъ съ порохомъ,
зажигали на бочкахъ воску ярова свѣчи,
зажжёмши свѣчи — сами вонъ пошли,
сами вонъ пошли — сами прочь отошли.
А злые Татаришки по стѣночкѣ похаживаютъ,
нашего царя бѣлаго Ивана Васильича подражниваютъ....
На то грозный царь осердился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшать!»
Вотъ и выбрался изъ нихъ молоденькій пушкарь:
«Не изволь, государь, насъ вѣшать и казнить,
дай ты намъ рѣчи сговорить;
наружи-то свѣчи — онѣ скоро горятъ,
въ подземельи-то свѣчи нескоро теплются.»
Не успѣлъ слова сказать — стало бочки рвать,
стало бочки рвать — землю на-розно метать —
и побило всѣхъ Татаръ каменничкомъ.

4. *)

Ой вы люди, людюшки мои,
ужь вы людюшки умненькіе,
старички вы стародавненькіе!
Вы повѣдайте, что̀ встарь было,
что̀ встарь было, на Руси слыло,
какъ женился православный царь,
православный царь Иванъ Васильевичь.
Да и бралъ же онъ много приданаго:
коробамъ съ добромъ — счету не было,
злату-серебру — вѣсу не было,
(крупну жемчугу — мѣры не было,
на придачу — молоду жену).
Вотъ и гости къ царю съѣхалися,
всѣ князья, бояре, люди ратные,
да боярскихъ дѣтей до полутораста,
да посадскихъ людей — четыреста.
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ —
удальца-бойца, славна витязя
(самого князя Черкасскаго)
Мамстрюка ли Ермолаича. **)
Загремѣло на дворѣ государевомъ,
какъ пріѣхалъ давно жданный гость
князь Черкасскій Мамстрюкъ Ермолаевичь,
со храброю своею, со дружиною,
со своею молодою княгинею,

---

*) Одинъ изъ двухъ списковъ полнѣе; этотъ списокъ здѣсь и печатается; стихи, которыхъ не достаетъ въ другомъ спискѣ, поставлены въ скобкахъ. *Ред.*

**) По другому списку: Мамстрюкъ названъ Мамстрюковичемъ.

еще съ братцемъ ее рòдныимъ
удальцомъ бойцомъ, славнымъ витяземъ
и со храброю своею дружиною.
Какъ пріѣхалъ князь опослѣ всѣхъ,
а садился онъ повыше всѣхъ.
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
гуся-лебедя не рушаетъ,
зелена вина въ ротъ не беретъ;
а глядитъ онъ на бояръ дворянъ *),
царску гридню златомъ убрану,
ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
добра молодца кулашничка.
Не нашелъ сѐбѣ поборничка,
что поборничка супротивничка.
Какъ возговорилъ Черкасскій князь:
«Ой вы гой еси **), добры молодцы!
Вы напрасно землю топчете,
у царя дарма ѣдите хлѣбъ,
зелено вино распиваете,
на боку лежа дары получаете.»
Тутъ всѣ гости призадумались....
Отколь взялся тутъ крестьянскій сынъ:
съ ноги на ногу прихрамываетъ,
съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
языкомъ пришепётываетъ.
Какъ возговоритъ крестьянскій сынъ;
«Охъ, ты гой еси, Черкасскій князь!
великъ ростомъ уродился ты,

*) По друг. списку: князей, бояръ.
**) По друг. списку: есте.

златомъ серебромъ украсился,
не пытавъ силы похваляешься;
да, гляди, рано не радуйся;
(я хотя и крестьянскій сынъ),
на бѣду слово вымолвлю:
не пытай силу съ хрестьяниномъ!»
Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
во гнѣву изъ за стола выскочилъ,
на бѣгу за столъ зацѣпилъ,
девяносто скамей повалилъ,
полтораста гостей подавилъ,
и схватилъ крестьянина за воротъ.
Долго съ нимъ они возилися
по широкому двору государеву;
одолѣлъ князя крестьянскій сынъ;
приподнялъ выше могучихъ плечь;
и ударилъ объ сыру землю.
Золоты кольца у князя съ рукъ скатилися,
сапожки сафьянные съ ногъ свалилися,
растянулся князь Черкасскій замертво....
Молодая княгиня расплакалася,
въ слезахъ по двору побѣгивала,
бѣлы рученьки заламывала,
слугамъ вѣрнымъ приказывала:
«Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные!
Вы схватите сына крестьянскаго,
вы убейте вора безъименнаго,
разорвите его тѣло на мелки части
бросьте тѣло псамъ на съѣденіе!»
Какъ возговоритъ православный царь,

православный царь Иванъ Васильевичь;
«Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ
не мѣшаться бабѣ въ дѣла царскія!
(Пусть другой кто съ нимъ попробуетъ
попытаетъ силу богатырскую.
Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,
закричалъ онъ громкимъ голосомъ;
«Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!
Выходи скорѣй на борьбу со мной,
на борьбу со мной послѣднюю,
что послѣднюю драку смертную!»
И сцѣпилися они за воротъ,
и возилися вплоть до вечера:
Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,
разорвалъ его тѣло синее,
разбросалъ, разметалъ по широку двору,
по широку двору — псамъ на съѣденіе).

5.

Ужъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
не по старому, не по прежнему,
изъ за облачка выкатаешься,
черной тучей закрываешься?
У насъ было на святой Руси
на святой Руси — въ каменной Москвѣ,
въ каменной Москвѣ — въ золотомъ Кремлѣ,
у Ивана было у великаго,
у Михайлы у Архангела,
у собора у Успенскаго

ударили въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ.
Соѣзжалися всѣ князья бояре,
собиралися всѣ люди ратные
во Успенскій соборъ Богу молитися.
Во соборѣ-то во Успенскіимъ,
тутъ стоялъ новъ-кипарисовъ гробъ:
во гробу-то лежитъ православный царь,
православный царь—Иванъ Грозный Васильевичь.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
у креста лежитъ—корона его царская,
во ногахъ его вострый, грозный мечь.
Животворящему кресту—всякій молится
золотому вѣнцу — всякой кланятся,
а на грозенъ мечъ взглянетъ—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
передъ гробомъ стоятъ все попы патріархи,
Они служатъ, читаютъ — память отпѣваютъ,
отпѣваютъ память царю православному,
царю грозному Ивану Васильевичу *).

6.

Какъ по морю, морю синему, по сину морю по Хвалынскому, плыли, восплывали три военныхъ корабля.

*) Старикъ, который сказывалъ мнѣ эту пѣсню, въ первый разъ припоминая ее только, дѣлалъ слѣдующее перемѣщеніе: послѣ словъ «лежитъ православный царь Иванъ грозный Васильевичь»—онъ продолжалъ: «вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя и пр.—до «царю грозному Ивану Васильевичу», и потомъ уже начиналъ: «въ головахъ у него животворящій крестъ» и кончалъ пѣсню словомъ «всякъ ужахнется». Въ другой же разъ онъ сказалъ мнѣ эту пѣсню въ томъ порядкѣ, въ какомъ она здѣсь написана. Не ручаюсь этотъ или тотъ правильнѣе. Старику уже измѣняетъ память. *П.*

На первомъ корабликѣ Императоръ-Царь сидитъ,
на другомъ корабликѣ князья, бояре сидятъ,
на третьемъ корабликѣ все солдаты сидятъ.
Сидѣли солдаты полку Семеновскаго,
той ли первой роты бомбандирскія.
Парусы они роняли бѣлы-полотняные,
того ли полотенца все Голландскаго;
якори они бросали—булатные,
того ли булату—все Сибирскаго;
мосты они намостили все дубовые;
подкопы они копали все глубокіе,
глубокіе подкопы на двѣнадцать верстъ,
бочки закатали со лютымъ зельемъ,
со лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ,
свѣчи зажигали—воску яраго.
Свѣчки догорали — бочки розорвало, —
взрывало ту стѣну бѣлокаменную.
Вотъ и стали Государя-Царя поздравляти:
Ужъ ты здравствуй, Государь-Царь,—съ крѣпкимъ городомъ,
съ крѣпкимъ городомъ — со Ригою!

3.

Ахъ ты батюшка свѣтёлъ мѣсяцъ!
что ты свѣтишь не по старому,
не по старому, не по прежнему, —
не во всю землю Святорусскую?
что со вечера — не до полночи,
со полуночи — не до бѣла свѣта?
все ты прячешься за облаки,
закрываешься тучей темною.
Какъ у насъ было на святой Руси,

въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
у дворца было государева,
у крыльца было воскрашенова,
молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи-то онъ призадумался,
призадумавшись — слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
возрыдаетъ, ровно громъ гремитъ.
Въ возрыданьи онъ слово вымолвилъ:
Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные!
разнесите вы снѣги бѣлые!
разступись ты, мать сыра земля!
развались ты, бѣлъ горючь камень!
расколись ты, гробова доска!
развернись ты, золота парча!
распахнись ты, бѣлъ тонкой саванъ!
Ужь ты встань-проснись, православный Царь,
православный Царь Петръ Алексѣевичь!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
посмотри на всю армеюшку.
Хорошо твоя армеюшка обряжена:
всѣ полковнички — во своихъ полкахъ,
подполковнички — на своихъ мѣстахъ,
всѣ маіоры — на добрыхъ коняхъ,
капитаны — передъ ротами,
офицеры — передъ взводами,
а прапорщики — подъ знаменами,
дожидаютъ они полковничка,
что полковничка Преображенскаго —
капитана бомбандирскаго.

Списокъ 2-й.

Ахъ ты батюшка свѣтёлъ мѣсяцъ,
что ты свѣтишь не по старому
не по старому, не по прежнему,
не во всю землю Святорусскую,
все ты прячешься за облаки,
закрываешься тучей черною.

Какъ у насъ было на святой Руси,
въ Петербургѣ славномъ городѣ
молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
Признобилъ онъ рѣзвы ноженьки по самы сапоженьки,
бѣлы рученьки по самыя костыньки.
Стоючи-то онъ призадумался,
призадумавшись слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
ужъ и слезы льютъ, что ручьи текутъ.
Воздыхаетъ онъ — словно лѣсъ шумитъ,
возрыдаетъ онъ — ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возговорилъ:
Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные!
разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые,
растолкните, вѣтры, бѣлъ-горючь камень,
расшатайте-ка мать сыру землю
вы на всѣ на четыре стороны!
расколите, вѣтры, гробову доску,
разверните вы золоту парчу,
распахните вы бѣлъ тонкій саванъ!
Ужъ ты встань-проснись, православный Царь,
православный Царь Петръ Алексѣевичь!

Подыми ты свою головушку,
посмотри на свою силушку!
Твоя силушка во строю стоитъ,
во строю стоитъ — не шелохнется,
по военному она — обучается,
на войну она отлучается.

Списокъ 3-й.

Почти такой же, только начинается прямо съ «Какъ у насъ было на святой Руси» и пр. Въ концѣ прибавлено «тебя она дожидается», и опущено «по военному она обучается». Иные, вмѣсто «тебя она дожидается», говорятъ: «подъ Пруцкова короля — нѣмъ подмоги безъ тебя».

Списокъ 4-й.

Охъ, ты ягодка-самородинка,
распрекрасное мое деревцо!
ты когда взошла, когда выросла,
ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
— Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
я зарей цвѣла, солнцемъ вызрѣла.
Охъ, ты ягодка-самородинка,
распрекрасное мое деревцо!
ты почто рано позаломана,
во пучечки перевязана,
по дикой степѣ (= «по дороженькѣ») поразбросана
до того ли дворца государева,
до того ли крыльца воскрашёнова?

(Иными прибавляется послѣ слова «поразбросана» — «до того ли села Шереметева» и т. д.).

У того ли дворца государева,
у того ли крыльца раскрашенова
молодой сержантъ на часахъ стоялъ и пр.

Сокращеннѣе всѣхъ варіантовъ, и начало едвали не принадлежитъ совершенно другой пѣснѣ.

10.

Померъ, померъ нашъ батюшка православный Царь,
померъ онъ — переставился.
На кого ты, батюшка, обузушки покинулъ:
какъ и первую обузушку — мать Рассеюшку,
какъ другую-то обузушку — молодыхъ солдатъ,
какъ и третью-то обузушку — бѣлокаменны палаты?
Какъ и эти палаты стоятъ растворёны,
въ этихъ палатахъ — золота гробница,
у этой гробницы стоятъ попы-патріархи (= «архиреи»)
они служатъ и читаютъ — память отпѣваютъ.

Страница все

93/II - 39. /В.